НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
СПИСОК ПРИГОВОРЕННЫХ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Список приговоренных

«Эксмо»
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Список приговоренных / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-82694-0

В своей квартире найден мертвым коллекционер раритетов, бывший заместитель министра экономики Платон Зубильский. После осмотра места происшествия и изучения результатов экспертизы полиция пришла к выводу, что смерть была ненасильственной и пожилой антиквар скончался из-за остановки сердца. Однако руководство МВД не удовлетворил этот вывод. Самые лучшие сыщики МУРа Лев Гуров и Станислав Крячко приступили к расследованию и очень скоро выяснили, что бывший чиновник был отравлен. Ключ к разгадке преступления оказался надежно спрятан среди многочисленных раритетов убитого, каждый из которых, запутывая сыщиков, хранил свою историю, свое предназначение и свою тайну…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82694-0

© Леонов Н. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Список приговоренных 6
Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 23
Глава 4 35
Глава 5 46
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Николай Леонов, Алексей Макеев
Список приговоренных

© Леонова О. М., 2015
© Макеев А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Список приговоренных

Глава 1

Вечерней порой, войдя в холостяцки аскетичную квартиру Станислава Крячко – оперуполномоченного главка угрозыска МВД, да еще и полковника в придачу, его старый друг и коллега – тоже полковник, старший оперуполномоченный той же «конторы» Лев Гуров, – критически обвел взглядом приятеля и, поздоровавшись, поинтересовался:

– Ну, и долго ты собираешься сачковать?

Хозяин квартиры, одетый в светлую хлопковую рубашку с коротким рукавом и синие «треники» с белыми лампасами, меланхолично ответив на приветствие, указал гостю на кресло.

– Да вот, завтра и выйду, – пообещал он. – Больничный закрывают, так что формально я уже здоров. Сегодня ездил к хирургу. Он сказал, что осложнений не будет. Кстати, а что там эти поганцы? Их там, часом, не выпустили?

– Кто ж их выпустит, если Петро взял этот случай под личный контроль и сделает люля-кебаб из всякого, кто только попытается вякнуть насчет залога? – снисходительно улыбнулся Гуров. – Сидят как миленькие! А наш майор Артюхин – ты не гляди, что он с виду снулый – уже накопал по этим бездельникам и неуплату налогов, и мошенничество в особо крупных размерах. Так что, в любом случае, медом им жизнь не покажется.

…Чуть больше недели назад Станиславу пришлось жестко подуэлировать на кулаках с тремя чрезмерно озабоченными «чичероне», которые излишне настойчиво пытались затащить в свой «сарай на колесах» стройную длинноволосую очаровашку. Случилось это вблизи пересечения улиц Солнечной и Пармской, часу в двенадцатом ночи, когда Крячко возвращался домой на своем ретро-«Мерседесе». Вопиющее безобразие, открыто и нагло творящееся в свете уличных фонарей, он увидел на корпоративной автопарковке большого универсама. Будучи завзятым донжуаном и женолюбом, которому отвратно проявление какого бы то ни было насилия по отношению к женщине, Стас немедленно ударил по тормозам и спешно десантировался из кабины.

Двое крепких мужиков средних лет, один из которых габаритами и физиономией напоминал исполнителя роли Терминатора, а другой – южанина, очень похожего на киношного Мимино, тащили за руки к раскрытой настежь дверце крупногабаритной «Тойоты» отчаянно упирающуюся девушку. На вид ей было лет двадцать. Смотрелась она вовсе не силачкой. И тем не менее хотя мужики, громко пыхтя и сопровождая свои потуги непечатным слогом, старались изо всех сил, процесс ее загрузки протекал гораздо медленнее, нежели они, видимо, рассчитывали. Даже третий, тоже южанин, с большущим «шнобелем», толкая пленницу в спину обеими руками, не слишком способствовал ускорению данной операции.

Стаса, поспешившего к месту ночного происшествия, несколько удивило то обстоятельство, что девушка отчего-то никого не звала на помощь и лишь сопротивлялась, пытаясь вырваться. Впрочем, это можно было объяснить тем, что поздние прохожие, старательно отворачиваясь от этой безобразной сцены, чуть ли не бегом проходили мимо. Действительно, какой в таком случае смысл орать: «Помогите!», если все равно никто не придет на помощь?!

Но он пришел, этот «донкихот» из главка МВД, преисполненный сочувствия к несчастной и жажды восстановить справедливость. Однако на его суровое уведомление: «Главк МВД! А ну, прекратили всякой херней тут заниматься!» – в ответ раздалось малокультурное, совершенно неэстетичное гыгыканье, и нагловато-хамский голос уведомил:

– Главк КГБэ-э-э! Понял, да? Топай мимо, придурок, пока тебя самого не поставили в «пятую позицию».

Это уже выходило за рамки каких бы то ни было норм и приличий, даже с учетом явного перебора нахалами по части спиртного. Тут и не будучи сыщиком можно было догадаться, что эти трое, хлебнув коньячку сверх всяких «терапевтических доз», возомнили себя несравненными силачами, неустрашимыми героями и наикрутейшими бруталами, которым и горы по пояс, и море по колено. А их коллективное «гы-гы» давало понять «всякому лоху, слабаку и лузеру», сколь ничтожно и бледно он смотрится, сколь нелепы и безнадежны его «души высокие порывы».

Понятное дело, Крячко сразу же уловил эту ноту хамоватого высокомерия и внутренне закипел не на шутку. В принципе, он и в самой малой степени не испытывал к ним чего-то наподобие ревности или зависти. Ни в коем разе! Да и ненависти, в общем-то, тоже – за свою жизнь всякой перепившей «шизы» он повидал достаточно много и поэтому к подобным остолопам относился скорее со скучающим раздражением. Например, как к назойливым мухам.

Да и с чего ему было, собственно говоря, ревновать и чему завидовать? На эту девушку он не претендовал, и, будь там все по доброму согласию, он бы и ухом не повел, проехал бы мимо, даже не оглянувшись. Ну да, дива она завидная – и милая, и привлекательная. Так что с того? У него в жизни было (и, между прочим, все еще есть!) столько романов со всякими там милыми и привлекательными, что хоть составляй их антологию. Просто Станислав на дух не переносил воинствующего паскудства, торжествующего хамства и вопиющего беспредела. Это его выводило из равновесия, и в такие моменты он испытывал то же самое, что и испанский бугай на корриде, которого раздолбаи-пикадоры начали злить, дабы он вышел из себя и погнался за мулетой.

К тому же это самое «гы-гы» более чем убедительно показывало, что с трио «крутяков» добром договориться никак не получится. Ну и ладно! Уж разбираться так разбираться! Крячко привычным жестом сунул руку за пазуху и тут же едва не заскрежетал зубами, не обнаружив там своего безотказного многозарядного «Стрижа».

«Твою дивизию! Твою зачуханную роту!!!» – мысленно помянул он одну из министерских шишек, которая, как видно, будучи одержима службистским зудом «оптимизаторства», неделю назад издала распоряжение, согласно которому сотрудники главка в нерабочее время не должны были иметь при себе табельного оружия. Вроде того, «во всех цивилизованных странах офицеры полиции, сдавая дежурство, сдают на хранение и свой пистолет». Интересно, где он такое вычитал, этот министерский баран?!

Заметив характерный жест незваного «донкихота», внезапно напряглись и бузотеры. Несмотря на хмельные пары в мозгах, до домогателей, как видно, вдруг дошло, что этот «конь педальный» отступать не намерен, даже с учетом превосходящих сил противника. Немедленно отпустив свою пленницу, они двинулись на дерзкого чужака, который посмел на них наехать, бесцеремонно поломав намечавшийся кайф. Оказавшись на свободе, девушка тут же отбежала в сторону и, торопливо достав из сумочки телефон, быстро набрала какой-то номер.

– Полиция? Помогите! Угол Солнечной и Пармской… – заговорила она срывающимся голосом.

Но ринувшийся в ее сторону «Мимино» договорить ей не дал. Он вырвал телефон и зло грохнул его об асфальт, после чего с размаху ударил девушку по лицу. Вскрикнув, та упала, распластавшись на тротуаре. Это стало общеизвестной последней каплей в чаше терпения. Уже без каких-либо дипломатических нот и реверансов, выдав свирепое: «Получи, козел, припарку!», Станислав атаковал оказавшегося к нему самым ближним носастого брюнета. Тот, попытавшись явить некие намеки на свою крутизну, не совсем удачно изобразил длинными жилистыми руками подобие защитного блока, однако уже через секунду, после полученного

в грудь резкого удара твердокаменной подошвы туфли, кувыркнулся назад, нелепо взбрыкнув в воздухе ногами.

«Терминатор», тут же подскочив к Крячко, очень четко и грамотно произвел весьма агрессивный выпад. Еле увернувшись от его хука левой и кросса правой, Стас поспешил отступить назад. Он сразу же понял, что этот соперник чрезвычайно опасен и с ним надо держать ухо востро. Тем более что метнувшийся в их сторону «Мимино» успел выхватить из салона «Тойоты» традиционный атрибут дорожных отморозков – увесистую бейсбольную биту.

Теперь положение Станислава могло серьезно осложниться. Драться сразу с двумя негодяями, один из которых отменно владел чем-то наподобие кикбоксинга и джиу-джитсу, а другой вооружен битой, было сродни полному сумасшествию. Но и не кидаться же от них наутек? Вновь резко отпрянув назад, Крячко ринулся вправо, как бы удирая за «Тойоту». Торжествующе гоготнув: «Зассал, падло?!» – «терминатор» бросился за ним вдогонку.

Однако его торжество было недолгим. Он так и не понял, что его соперник не убегает, а выполняет ложный маневр, за что тут же и поплатился. Внезапно развернувшийся к нему лицом Станислав провел два мощных удара кулаками в скулу и челюсть – бупс! Бупс! Казалось, опер влепил их не в голову противника, а в боксерскую грушу, набитую опилками. «Терминатор», замерев, обалдело покачнулся, по-бараньи выпучив глаза, тем не менее, кое-как собравшись, попытался контратаковать. Но эти поползновения были пресечены еще более жесткими ударами в голову и в правый подвздох. Напоследок издав громкое «Ик!», «терминатор», словно надломившись, неуклюже осел на асфальт и медленно повалился на бок.

Не мешкая, Крячко тут же развернулся, поскольку со спины ожидалась атака «Мимино». Он опоздал всего на долю секунды. Мелькнувшая в воздухе бита прошлась точно по его левой коленке. Благо что вскользь. Если бы Стас в последний миг, по сути инстинктивно, не успел отпрянуть назад, его коленная чашечка запросто могла бы оказаться раздробленной, а сам он стал бы инвалидом. Впрочем, и этот удар по касательной оказался необычайно болезненным. Ногу, да и все тело, пронзила сильная боль, которая на какой-то миг его словно парализовала.

А расходившийся «Мимино», как видно, окрыленный своим успехом, с самодовольным «Йо!!!» снова замахнулся своей дубиной. Игнорируя боль, Крячко в последний момент выхватил из кармана своей ветровки все, что там лежало – ключи от квартиры, россыпь монет, носовой платок, – и с силой швырнул всю эту мелочовку противнику прямо в лицо. Тот, не ожидая подобного выпада, на мгновение невольно зажмурился, и это стало финалом его временного успеха – уже изготовленный им удар получился довольно-таки смазанным и даже корявым, что дало возможность Стасу отпрянуть в сторону. Ну, а третьего удара «Мимино» нанести уже попросту не смог.

Стремительно шагнув вперед, Крячко перехватил вскинутую вверх биту у самого ее основания, при этом своими крепкими пальцами прижал к рукояти дубины сжимающие ее кисти рук противника. Это разом сковало действия нападавшего. Превозмогая боль в ноге и не давая «Мимино» опомниться, Стас резким рывком повел захваченное оружие по кругу влево и вниз, скручивая этим движением руки противника в штопор.

Тот, как видно, никак не предполагал столкнуться с жесткой, напористой силой, противостоять которой оказался не в состоянии. Он попытался вырваться, судорожно дернувшись назад, однако рывок получился жалким и хлипким.

Самое жуткое в сложившейся ситуации для нападавшего заключалось в том, что, опрометчиво нанеся удар оперу по коленке, он фактически переступил грань, находясь за которой, уже нельзя было отыграть к «нулевому варианту», то есть предложить: «Мужик, давай не будем обострять! Давай поговорим!..» Теперь об этом можно было даже не заикаться! Если этот агрессивный «донкихот» не убьет или не искалечит (господи, кто бы мог подумать, что в его руках такая бешеная силища?!), то и за это спасибо…

А Стас, которому ярость придала взрывной энергии и силы, продолжая скручивать стиснутые на рукояти биты кисти рук противника, вынудил того взвыть от боли и выронить это ударно-дробящее оружие и тут же, не теряя ни секунды, коротко замахнувшись, правым кулаком нанес в челюсть «Мимино» безжалостный, нокаутирующий удар. Безвольно обвиснув, тот покорно плюхнулся навзничь.

Устало переводя дух, Крячко оглянулся в сторону девушки, которая уже поднялась на ноги и, подобрав свой телефон, с удрученным видом рассматривала его растрескавшийся монитор.

– Все в порядке? – морщась от боли, шагнул он в ее сторону.

– Да у меня-то терпимо, – скривила она губы в вымученной улыбке, так как «Мимино» разбил их своей остервенелой оплеухой. – Вот у вас, я вижу, серьезный ушиб коленной чашечки. Дайте-ка посмотрю, все же у меня среднее медицинское образование…

– Ничего, переживем! – доставая свой телефон, отмахнулся Станислав.

Набрав номер дежурного главка, он распорядился направить на угол улиц Солнечная и Пармская опергруппу из ближайшего к этому месту райотдела. Когда минут через пять прибыла патрульная машина с операми, девушка, назвавшаяся Мариной, сумев сломить отказы своего спасителя, накладывала ему на коленку компресс из подручных средств, найденных в автомобильной аптечке.

Увидев поверженное трио и выяснив, кто их сокрушитель, опера по достоинству оценили итоги схватки. Они уважительно пояснили Крячко, с кем свела его судьба. По их словам, «терминатора» звали Борис Ожирятников, он был известным в этих краях бизнесменом – владельцем крупной торговой базы строительных материалов. Впрочем, по некоторым данным, лет двадцать назад этот тип был главарем рэкетирской группировки по кличке Боря-Брыкун. Его приятелей опера не знали, скорее всего, предположили они, те являлись компаньонами Ожирятникова.

Окинув внимательным взглядом Марину, которая заканчивала бинтовать коленку Стаса, капитан Оловянцев, старший прибывшей опергруппы, сдержанно поинтересовался обстоятельствами происшедшего. Крячко, не углубляясь в детали, вкратце пояснил суть стычки. Выслушав его, тот укоризненно спросил девушку:

– Марина, ты же сейчас здесь была «на работе»? Если «работала», то с какой стати устроила представление – такой вот «сеанс невинности»? Видишь, чем все закончилось? Пострадал сотрудник главка МВД. А чего, и, главное, кого ради?

Та, отчего-то сникнув, поспешила завязать концы бинта и сразу же молча отошла в сторону.

– Марина, не убегай! – глядя ей вслед, строго проговорил капитан. – Ты еще нужна! Протокол-то вместо тебя кто подписывать будет?

– Что там, что там насчет ее «работы»… – Крячко вопросительно взглянул на старшего опергруппы.

Тот, досадливо поморщившись, скороговоркой вполголоса пояснил, что эта нежная юная нимфа, уже не раз засветившаяся в базе данных местного РОВД, – проститутка-индивидуалка Марина Малинина, или, как ее именовали постоянные клиенты, Маринка-Малинка. Поэтому-то капитан и поинтересовался причинами того, что она вдруг начала привередничать в выборе клиентов и этим спровоцировала драку.

Украдкой поглядывая в их сторону, девушка, как видно, догадывалась, о чем идет разговор. Поймав взгляд Стаса, она поспешила отвернуться.

В ходе оформления протокола окончательно пришедшие в себя «крутяки» были крайне ошарашены, узнав, с кем им довелось «помахаться». «Мимино», назвавшийся Гасаном Эминовым, предпринимателем из Электростали, представился как компаньон и друг Ожирятникова. Вину за случившуюся потасовку он категорично переложил на Марину. По его словам,

«эта девка» сама напросилась на то, чтобы они ее «сняли», однако ее не устроила цена, и в последний момент «эта коза неумная» попыталась их «продинамить».

Второй южанин, Фархим Абазулов из Клина, особо подчеркнул, что заявление Крячко о его принадлежности к структурам МВД они приняли за «разводилово для лохов».

– Да сейчас в подземном переходе можно купить любое удостоверение. Хоть самого министра! – митинговал он, потрясая перед собой руками, соединенными браслетами наручников.

Но самым непримиримым оказался Ожирятников. Испытывая конфуз перед своими приятелями, он бушевал и кипятился, грозя связями во власти и даже судом в Страсбурге.

– …Это позорище беспредельное! Из-за дешевки, какой-то там проститутки, троих уважаемых людей сначала избили, а потом, даже не оказав медицинской помощи, заковали в браслеты?!! Это беспредел!.. – горланил он на всю округу.

Не согласился Ожирятников и с показаниями Марины, которая заявила, что «эти трое садистов» на днях с этого же самого места насильно увезли ее знакомую, которую, после извращенческих утех, жестоко избили и, не рассчитавшись, выбросили на улицу. В данный момент с переломом носа и травмами внутренних органов та находится в реанимации.

– Брехня! – категорично заявил Боря-Брыкун и ехидно поинтересовался: – Но если это сделали мы, то почему же на нас нет ее заявления в ментов… То есть в полицию?

– Потому что вы пригрозили разделаться с ее ребенком! – запальчиво ответила девушка, с ненавистью глядя на «терминатора». – Будь спокоен – уж теперь-то она точно напишет!

Когда формальности были завершены и протокол подписан, а всех троих любителей «клубнички» загрузили в отсек «уазика» для задержанных, Марина неуверенно, бочком приблизилась к Станиславу.

– Я приношу извинения за то, что все так вышло… Я понимаю, вы разочарованы тем, что вам пришлось схватиться с этими уродами из-за какой-то шлюхи… – кусая губы, заговорила она, но он ее сразу же перебил:

– Слушай, давай без этих терминов… Хорошо? Тебя подвезти? Ты далеко живешь? А то, я вижу, ты сейчас в полном неадеквате, чего доброго, еще куда-нибудь вляпаешься.

Неопределенно пожав плечами, девушка сказала, что проживает в получасе езды на автобусе, на улице Тополевой. Стас приглашающим жестом указал на своего «мерина» и, прихрамывая, зашагал к машине. Его коленка заметно распухла и почти не сгибалась.

Сев в кабину и глядя перед собой, Марина как бы про себя произнесла:

– Можем поехать к вам… Я вам обязана, может быть, даже жизнью. Поэтому… Вы вправе получить то, что захотите.

Хмуро усмехнувшись, Крячко уведомил, что, хоть он вовсе не монах и к женщинам относится более чем приязненно, в подобной ситуации воспользоваться ее предложением было бы сущим моветоном. Да и вообще, с учетом ушибленной коленки ему сейчас не до каких-то там нежностей. При этом особо выразил свое недовольство родом ее занятий:

– Как тебе не противно ложиться под таких вот пьяных, потных кабанов, как эти три охламона? – брезгливо поморщился он. – А бывают ведь еще и похуже… Что за хрень у нас творится, если молодые, здоровые, красивые по собственной воле толпами идут на эту гребаную панель, где их и калечат, и даже убивают?! Да, пусть этого и не случилось, все равно ведь – жизнь под откос.

– Ну, почему же – под откос? Кое-кому, бывает, везет… – чуть слышно произнесла Марина.

– А-а-а… Это ты про голливудскую киношку «Красотка»? – иронично рассмеялся Крячко. – Видел, видел… Да, рекламу проституции американосы сделали суперскую. А мне больше запомнилась наша «Интердевочка» Тодоровского. Вот это ближе к жизни. Тут конкретно показано, какой ценой покупается «счастье» и чем за него приходится платить.

– Я так понимаю, невзирая ни на какие обстоятельства, вы осуждаете женщин, которые вынуждены торговать собой? – уточнила девушка с каким-то непонятным подтекстом.

Станислав аккуратно миновал перекресток, на котором двое «гонщиков» ухитрились довольно-таки крепко соприкоснуться, и невольно хмыкнул:

– Я не судья, чтобы кого-то осуждать. Просто высказываю свое отношение к этой самой «торговле». На мой взгляд, это одна из главных угроз нашему будущему. Да, представь себе! Уже установлено, чем больше женщин в какой-то стране прошло через панель, тем больше эта страна рискует выродиться.

Марина, с некоторым удивлением покосившись в его сторону (во, мужик загнул на нравственные темы!), крепко стиснула меж собой пальцы рук.

– Скорее всего, вы, конечно, правы… Но вы думаете, я сама не хочу распроститься с этой проклятой «работой»? – Она заговорила торопливо, с горечью в голосе. – Вы думаете, я сама не мечтаю о том, чтобы у меня была семья, муж, дети… Раз уж об этом зашел разговор, то ответьте мне на такой вопрос: а за кого выходить замуж и от кого рожать-то? Куда ни глянь – то алкаши, то наркоши, то гомосеки. А если не алкаш, не гомосек, то или отморозок, как вот эти трое, или трутень и бездельник. Жила я с одним таким… Даже вспоминать противно!..

Некоторое время помолчав, Крячко сокрушенно вздохнул и вынужденно согласился:

– Да-а-а… Это тоже у нас есть. Кто-то спивается, кто-то черт знает чем занимается. Такие вот хреновые дела, твою дивизию! А потом удивляемся – с чего бы это вдруг нас все меньше и меньше?

В кабине снова повисло молчание. Но, судя по всему, Марину оно очень тяготило, и она как бы про себя произнесла вполголоса:

– Господи! Кто бы только знал, как мне это все опротивело! Все эти озабоченные клиенты, эти ментовские и бандитские «крыши»… А с другой стороны, как отсюда уйдешь, если так сложилось? Если ничего больше не остается? – Она укоризненно покачала головой.

– Серьезные финансовые проблемы? – уточнил Станислав.

– Еще какие!.. – грустно обронила Марина.

По ее словам, на панели она оказалась два года назад, чтобы выкупить мать из финансового рабства. Случилось так, что ее старший брат, наркоман и бездельник, тайком взяв паспорт матери, получил по нему кредит в банке «Народный эталон», чтобы купить себе очередную дозу. Эта доза стала для него последней. Когда парня нашли, он уже остывал. Денег в его кармане не оказалось ни рубля, хотя взял он не менее двадцати-тридцати тысяч. Скорее всего, их выгребли приятели-наркоши. А полгода спустя к матери приехали какие-то мужики уголовного вида, которые объявили, что за истекший период образовался долг свыше двухсот пятидесяти тысяч рублей. Поняв, что эти визитеры вовсе не из общества «Добрые самаритяне», напуганная женщина поспешила отдать им все свои сбережения, вплоть до «гробовых». Уведомив, что за ней остался еще «стольник» долга, банда коллекторов отбыла восвояси. Марина в ту пору только-только закончила медучилище и устроилась на работу в «Скорую». Узнав о случившемся с матерью, она решила взять кредит уже не в бандитском, а в нормальном банке, чтобы избавить ту от «наездов» поганцев-коллекторов. Но ей, с учетом уровня ее зарплаты, в кредите отказали. И хотя она матери отдавала почти все заработанное, им едва удавалось погасить набегающие проценты.

Месяца два спустя к матери Марины снова заявились коллекторы и потребовали в счет долга подписать бумаги на жилплощадь. Но та проживала в комнатке общежития, которое уже давно считалось аварийным и предполагалось к расселению. Узнав об этом, осатаневшие от такой неудачи бандиты избили пожилую женщину, из-за чего она попала в больницу. Тут же потребовались деньги на лекарства, поскольку некоторые коллеги Марины оказались ничуть не лучше подонков из коллекторского агентства.

Возвращаясь от матери из подмосковного поселка Большие Дубы, девушка случайно встретила свою бывшую однокурсницу. Та, узнав о ее проблемах, предложила идти «работать» проституткой в ее «бригаду». От безысходности Марина согласилась.

С полгода пробыв в подпольном борделе и даже близко не заработав того, что ей было обещано – хозяин притона и «крышующие» его бандиты забирали львиную долю денег себе, Марина ушла на «вольные хлеба», став неприкаянной индивидуалкой. Здесь тоже надо было платить за «крышу», да и рисковать приходилось вдвойне, но теперь она хотя бы могла помочь матери. Долг начал уменьшаться. И тут, как видно, испугавшись, что его погасят совсем и будет утрачена возможность обдирать дармовые деньги, ублюдки-коллекторы придумали хитрый маневр.

Неделю назад к матери Марины прикатили какие-то совсем другие люди и объявили, что никаких платежей в их банк не поступало и ее долг составляет почти миллион рублей. На предъявленные им платежные квитанции они и взглянуть не пожелали. Дескать, мы не знаем, кому ты платила, а вот нам должна миллион.

– …Мама сейчас лежит с сердечным приступом, то и дело езжу к ней – боюсь, что руки на себя наложит. – Девушка всхлипнула и смахнула слезинку. – В общем, все пошло прахом. И я на панели, и мама с долгами… И что делать – вообще не представляю.

– Ну, как это – что?!! – Бросив руль, Крячко возмущенно развел руками. – Обратиться надо было в полицию, прокуратуру, к властям… Что ж сидеть-то, ожидая у моря погоды?

– Станислав Васильевич, проще сказать, куда мы еще не обращались! – утерев глаза, горько рассмеялась девушка. – Кто нас слышит, кому мы нужны?! Нас таких по России – тысячи. Когда маму избили, я поехала к начальнику их райотдела. Я тогда у Ритки еще только начала работать. Он мне сразу дал понять: пересплю с ним – он поможет. Пришлось согласиться – куда денешься? Недели две к матери и вправду никто не наведывался. А потом приехали и сказали: еще раз твоя сучка пожалуется, мы тебе ее по частям привезем. Я опять к этому скоту, а меня к нему даже не пустили. И я поняла – правды не добиться…

Слушая ее, Стас только что не сыпал искрами. Он мысленно перебрал все известные ему непечатные выражения, и когда они остановились у пятиэтажки, где Марина снимала комнату, жестко распорядился:

– Сейчас напишешь мне адрес матери, а сама закроешься и несколько дней будешь сидеть дома, тихо как мышь, пока не пригласят для дачи показаний. Ясно?

Приехав к себе домой, несмотря на поздний час, он созвонился с Петром Орловым, своим непосредственным начальником. Генерал-лейтенант, выслушав его, выразился в том же духе, что и он сам, пообещав, что завтра же постарается дать ход обоим поставленным вопросам – и по «трио» озабоченных отморозков, и по вымогательству со стороны коллекторов «Народного эталона».

Свое обещание Орлов выполнил. Назавтра же в Большие Дубы отбыла опергруппа, которая, взяв информацию у едва оправившейся от сердечного приступа матери Марины, как снег на голову свалилась на «теплую контору» коллекторского агентства банка «Народный эталон». Ошарашенные появлением большой группы оперов, явно не настроенных на «муси-пуси», некоторые из сотрудников агентства попытались потихоньку смыться. Однако прибывшие вместе с операми спецназовцы одним лишь своим видом убедили их в опрометчивости задуманного.

Благодаря интенсивному перекрестному допросу директора агентства и его замов достаточно скоро удалось выяснить, что вышибалы долгов, около года назад избившие пожилую женщину, никуда не испарились. Они, как и прежде, состояли в штате этой бандитской конторы. А визит их коллег, объявивших Малининой-старшей о том, что она должна миллион, оказался всего лишь «недоразумением», поскольку на самом деле ее долг как минимум впятеро меньше того, что с нее уже успели взять. Без конца ссылаясь на бывшего бухгалтера, который

«все неправильно сосчитал», директор агентства клятвенно заверил, что «прямо сегодня же» лично отвезет неправедно взятые деньги и вернет их законной владелице…

Всего одного звонка Орлова было достаточно для того, чтобы «трио озабоченных», с которыми минувшим вечером схватился Станислав, осталось «куковать» в КПЗ, невзирая на крючкотворскую суету, устроенную целой командой адвокатов, во главе с уже хорошо известным Бугвой. А уж когда усилиями майора Артюхина на Ожирятникова и его приятелей удалось найти весьма серьезный компромат, вопрос об их освобождении под залог отпал сам собой.

«Колоться» начали и мордовороты из коллекторского агентства, участвовавшие в избиении Малининой-старшей, задержанные опергруппой по итогам допросов в их конторе. При этом они дали столь занятную информацию, что в агентство вновь отправилась усиленная опергруппа с целью задержания теперь уже самого директора и его первого зама. Однако те уже успели бесследно скрыться, прихватив с собой всю кассу. Начальник райотдела, о котором рассказала Марина, исходя из принципа «чует кошка, что нашкодила», немедленно подал рапорт об увольнении и спешно залег в больницу по причине «обострения хронического панкреатита и язвенной болезни двенадцатиперстной кишки».

…Слушая Льва, Стас от души рассмеялся:

– Занятный кульбит… Нет, ну надо же! Этот дебил надеется, что, пока он отлеживает бока в больнице, о нем забудут и все с него спишут? Зря… Петро таких засранцев не жалует, так что самое интересное у него еще впереди! Ладно… Как бы там ни было, а своей коленкой я пожертвовал не напрасно.

Его перебил звонок сотового. Поздоровавшись и выслушав звонившего, Крячко с непонятной теплотой в голосе пожелал своему собеседнику удачи и нажал на кнопку отбоя.

– Марина звонила, – пояснил он. – Благодарила за помощь. Сказала, что с матерью навсегда уезжают в Калининград. У них там живет дальняя родственница, которая нуждается в уходе. Опять пойдет работать в «Скорую». Вот такие дела… Денег им, конечно, никто не вернул. Но они рады уже тому, что их хотя бы избавили от визитов коллекторской отморози.

Согласившись с приятелем, что в нашей современной действительности даже такой исход – уже подарок судьбы, Гуров засобирался домой, но в этот момент и его сотовый издал сигнал вызова. Слыша жизнерадостное: «Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом!..», он достал трубку из кармана и сдержанно проворчал:

– Не иначе Петруха опять собирается втюхать какого-нибудь «глухаря»…

Как уже довольно часто бывало в подобных ситуациях, он и теперь оказался абсолютно прав. Петр Орлов, стараясь избегать чисто «генеральских» интонаций и давя на дружескую задушевность, поинтересовался самочувствием и его планами на завтра.

– Вот только зубы мне заговаривать не надо. Ты уж лучше сразу скажи, что за «хомут» приготовил на сей раз? – выслушав приятеля-начальника, иронично спросил Гуров.

– Гхм… Э-э-э… Да не из самых тяжелых, не беспокойся! – стараясь придать голосу бодрый оптимизм, поспешил заверить генерал.

– Все понятно… Значит, геморрой, да еще и с осложнениями, – деловито резюмировал Лев. – Давай подробности. Я так понял, случилось какое-то неформатное ЧП, про которое тебя самого уведомили только сейчас?

Повздыхав, Петр согласился – информация свежее свежей, так сказать, «с пылу – с жару». Как только что ему сообщили, около часа назад в своей квартире был найден без признаков жизни некто Платон Зубильский – коллекционер всевозможных редкостей и раритетов, широко известный в узких кругах «элитарки» (сословия чрезвычайно небедных собирателей антиквариата). Вызванная соседями усопшего дежурная опергруппа местного райотдела осмотр уже производит. Судмедэксперт, основываясь на первичном осмотре тела убитого,

высказал твердую уверенность в том, что смерть хозяина квартиры – явление сугубо естественного порядка. Предположительно, от остановки сердца.

Кроме того, Орлову сообщили, что хозяин квартиры некогда работал заместителем федерального министра, ведающего одним из секторов экономического блока. Причем люди, знавшие Зубильского, считали усопшего «серым кардиналом» от экономики, по их мнению, тот, будучи вторым лицом в своей отрасли, на самом деле рулил первыми лицами. Именно поэтому, учитывая былой статус коллекционера, из МВД и поступило распоряжение провести расследование причин и обстоятельств смерти Зубильского силами главка.

– …Вот такие, Лева, пироги… – сочувственно вздохнул Петр. – Так что, приступай! Выйдет на работу Стас – подключай его. Сам понимаешь, если на расследовании настаивает наше министерство, вариантов для отказа нет и быть не может.

– Спасибо! «Осчастливил», отец родной… – негромко рассмеялся Гуров. – Ну, что тебе сказать? Давай адрес места происшествия, прямо сейчас туда и поеду. А что мне еще остается?

– Адрес? – Никак не ожидавший, что Лев так быстро согласится, генерал несколько даже растерялся. – А это – пожалуйста, пожалуйста! Улица Пармская, семнадцать, квартира сорок. Дом там приметный. Его все местные называют «министерским» – шестиэтажный параллелепипед в глубине квартала. В нем в основном проживают сотрудники федеральных ведомств.

– Что, что? – удивился Гуров. – Ты еще скажи, что это рядом с Солнечной!

В телефоне некоторое время царила вопросительная тишина.

– Ну, в общем-то, да, невдалеке от перекрестка с Солнечной… – наконец с нотками недоумения произнес Орлов. – А ты как догадался? А-а-а! Вспомнил! Это же там на прошлой неделе Стас задержал троих озабоченных идиотов. Да, надо сказать, странное совпадение! Очень странное. Слушай, а тебе не кажется, что оно не случайно?

– Вероятность такую допускаю, но, по-моему, она не слишком велика, – с сомнением ответил Лев и добавил: – Ладно, отбываю туда. Гляну, что там и как.

Когда он сунул телефон в карман, Крячко, вслушивавшийся в их разговор, торопливо переспросил:

– Чего там, чего там? Пармская и Солнечная? Ни хрена себе попадос, как выражаются молодые! Вот и верь тому, что снаряд в одну воронку не падает дважды. Что там? Я так понял, обнаружена бездыханная отставная шишка?

– Ну да… – шагнув к двери, махнул рукой Гуров. – Наше министерство надавило на все «клапана», чтобы, невзирая на явную очевидность естественной кончины старичка-коллекционера, этот случай «прозвонили» на предмет криминальной составляющей. Примерно так. Ладно, буду отчаливать…

– Секунду! – Сурово нахмурив лоб, Стас, чуть прихрамывая, зашагал в спальню. – Ща переоденусь, поедем вместе. Сто против одного, что, как только завтра я появлюсь в главке, Петруха в момент подключит меня к этому расследованию. А-а, так он уже и это предусмотрел? Молоток! Ну, о чем тогда речь? Едем! Чтобы уж сразу войти в курс дела и не дергать тебя за рукав по каждой мелочи.

– Хм-м… В общем-то, резонное соображение, – согласился Лев, внутренне удивившись не меньше, чем только что звонивший Петр Орлов.

Через несколько минут они спускались по лестнице, игнорируя «мечту инвалидов», как Крячко именовал лифт, на ходу обсуждая возможные варианты того, что же могло случиться с персональным пенсионером-коллекционером.

Глава 2

Прибыв на Пармскую, в глубине двора, образованного двумя элитными «высотками» современной архитектуры, приятели увидели многоэтажку давней, еще довоенной постройки. От угла до угла «высоток» тянулось фигурное ограждение из кованого железа с автоматическими воротами и калиткой, снабженной пультом домофона. Припарковав свой «Пежо» у края тротуара, следом за «четырнадцатой» с маячками на крыше и надписью «Полиция», Гуров кивнул в сторону калитки:

– Вот наглядный образец того, что с человеком делает зоологический страх… Сначала бронированными дверями мы оборудовали свои квартиры. Потом вход в подъезд. И вот – вершина наивной веры в надежность замков и запоров – ворота с кодовым замком. Конечно, от мелкой гопы и пьяных бомжей она убережет, а вот от серьезной уголовщины – едва ли. Настоящие хищники сумеют и электронику обмануть, и вскрыть любые замки.

– Это точно! Зато, если кому-то понадобится «Скорая» или, чего доброго, загорится квартира, то медики или пожарные к этим затворникам хрен пробьются… – тоже выходя из машины, язвительно хохотнул Станислав. – Да и нам работать сложнее. Кстати, в этот-то двор как думаешь попасть? Не будем же карабкаться через ворота, как революционные матросы, штурмовавшие Зимний?

Лев в ответ лишь пожал плечами. Захлопнув дверцу, он включил охранную сигнализацию и направился к калитке, глядя на светящиеся в ночной темноте прямоугольники окон старого дома. Всмотревшись через прихотливое переплетение металлических прутьев ограждения, он увидел на лавочке, в тени под большой акацией, молоденьких парня и девушку. Вполголоса обсуждая какие-то свои дела, они чему-то негромко смеялись. Издав негромкое, упреждающее «кха-кха!», Гуров попросил:

– Молодые люди, а вы нам калитку не откроете? Мы из главка угрозыска.

– А! Вы, наверное, в семнадцатый, к этому… Как его? – направляясь в сторону ворот, напряженно наморщил лоб парень.

– К Зубильскому, – подсказал Лев.

– Да, да, да! Точно! Фамилия того деда – Зубильский, – с нотками пренебрежительной иронии подтвердил тот, нажимая на кнопку электронного запора калитки.

– Кстати! А вы его хорошо знали? – входя во двор, поинтересовался Гуров.

– Ну-у… – Оглянувшись в сторону своей подружки, парень произнес с некоторой неуверенностью: – Лично знаком с ним не был. Хотя, в общем-то, наслышан.

– Это замечательно! – приятельски улыбнулся Лев. – Станислав Васильевич! Давай в сороковую, а я тут задержусь. Если молодые люди не возражают, хотелось бы немного их расспросить. Надеюсь, они не против.

– Добро! – Изобразив рукой энергичный жест, Стас зашагал к подъезду дома с большой цифрой «семнадцать», нарисованной краской на углу.

Молодые люди, явно польщенные вниманием к себе человека из загадочного мира уголовного сыска, поспешили заверить Льва в том, что готовы рассказать ему все, что им известно о ныне усопшем жильце из семнадцатого. По словам парня, назвавшегося Максом, старик Зубильский в здешних краях был в некотором роде знаменитостью. Прежде всего здесь всякий знал о том, что тезка древнегреческого философа Платона много лет проработал где-то в структурах федеральной власти, а потому обладал немалым состоянием.

– …Пацаны говорили, что бабла у него – как мусора! – жестикулируя руками, повествовал Макс. – Но скряга он был – как Плюшкин какой-нибудь.

– Ну, вот… А говорят, что молодежь Гоголя не читает, – одобрительно усмехнулся Гуров. – И в чем же это выражалось? Он что, был очень жадный, мелочный такой?

Рассмеявшись в ответ, в разговор вступила девушка, назвавшаяся Таней.

– А то! Жлобяра этот Зубильский был еще тот… Он никогда в жизни не складывался на какие-то общие затраты на дом. Я сама из семнадцатого, и мой отец не раз говорил о нем: из-за копейки удавится. Когда в прошлом году надо было сложиться на видеонаблюдение за двором, он, как мог, выкручивался, только бы не дать ни гроша. Так ничего и не дал!

– А я помню, когда во дворе заасфальтировали дорожки, кто-то в горячий асфальт, то ли случайно, то ли нарочно, втоптал новенький рубль. И вот на следующий день из дому выходит Мозоль… Ну, его за глаза все так звали. Увидел рубль и начал ключами от квартиры колупать асфальт, чтобы вытащить монету. Не получилось. Так он не поленился вернуться домой, взять там то ли стамеску, то ли отвертку и уже ею выковырял тот рублик.

– Впечатляет! – покачал головой Гуров.

– Но это еще что-о-о! – многозначительно протянул Макс. – Мы с пацанами решили приколоться. К пятирублевке точечной сваркой прихватили длинный гвоздь. На совесть приварили, намертво! Потом, когда его не было дома, разогрели асфальт газовой горелкой и поглубже забили в него монету. Вот уж Мозоль попыхтел! Часа два возился, пока не вытащил. А как увидел гвоздь – сразу все понял. Запсиховал, заматерился! Потом месяц волком на всех глядел и бегал писать жалобы.

– А мама рассказывала, что этот Зубильский даже родной сестре отказался помочь, когда ей потребовались деньги на неотложную операцию, – с осуждением в голосе вновь заговорила Таня. – Она раза два к нему приходила, просила помочь, а он ее даже слушать не стал. Потом говорили, что она умерла.

– Но, может быть, у него самого с деньгами напряг? Может, он только считается богатым, а на самом деле их у него нет? – предположил Лев с сомнением в голосе.

Издав саркастичное междометие, Макс кивнул головой в сторону семнадцатого дома и с некоторым запалом произнес:

– У него в квартире антиквариата – на три магазина хватит! Мне об этом Женька Шарихин рассказывал. Мозоль в прошлом году купил какую-то бронзовую статую. Вроде бы Будды. А она тяжеленная… Попробовал нанять таксиста, чтобы тот поднял покупку на третий этаж, но тот сразу запросил «штуку». А тут рядом оказались Женька с Лехой Суханиным. Оба лбы здоровенные – на штангу ходят. Сторговались за «пятихатку». Короче, как потом говорил Женька, чего у него там только нет! Эрмитаж отдыхает…

Поблагодарив своих собеседников за интересную информацию, Гуров направился к семнадцатому дому. Войдя в вестибюль, он увидел восседающего за столом консьержа – уроженца бывшей советской Средней Азии. При появлении рослого незнакомца тот выжидающе приподнялся, подавшись в его сторону, но удостоверение сотрудника главка угрозыска мгновенно сняло все вопросы и недоумения. Сообщив, что «сороковой квартира» находится на «третья этажа», консьерж вновь опустился на стул.

Лев почти бесшумно взбежал по лестнице на третий этаж и проследовал по широкому коридору к приоткрытой бронированной двери с цифрой сорок. Войдя в просторную прихожую, он чуть не нос к носу столкнулся с подвижным долговязым старшим лейтенантом, который придирчиво обследовал стены, судя по всему, выискивая отпечатки пальцев.

– Полковник Гуров, главк угрозыска, – лаконично представился Лев.

– Эксперт-криминалист Горшенин, – тоже отрекомендовался старлей.

– Вы давно уже здесь? Что-то интересное найти удалось?

– Да, без малого часа два уже будет, как мы тут копаемся… – чуть пожал плечами криминалист. – Знаете, ощущение такое, что чего-то характерного для криминального события тут нет и в помине. Нет следов борьбы, признаков взлома, попойки, да и вообще, посторонних людей. Скорее всего, дедушка «крякнул» чисто по причине возраста, без какого бы то ни было постороннего вмешательства…

Войдя в гостиную, где на диване, раскинув руки, недвижимо лежал мужчина лет семидесяти, с коротким ежиком седых волос и восково-желтым лицом, Лев огляделся. Судмедэксперты – и местный, и главковский Дроздов, который неведомо как успел примчаться сюда раньше их со Станиславом, вполголоса переговариваясь о чем-то своем, профессиональном, укладывали в сумки и кофры инструменты и флаконы с какими-то диагностикумами. Двое пожилых мужчин – явно понятые, о чем-то шушукаясь, сидели в углу комнаты. Еще один эксперт-криминалист обследовал подоконник. Старший опергруппы с майорскими погонами что-то вполголоса докладывал по телефону. Стаса видно не было. Как мог догадаться Гуров, он вел осмотр соседних комнат. Еще раз окинув взглядом гостиную, Лев пришел к выводу, что усопший владел пятикомнатной квартирой «министерской» планировки, действительно напоминающей антикварный магазин, и еще раз убедился в справедливости утверждений Макса, что эта жилплощадь, начиная с прихожей, переполнена всевозможными раритетами. Вдоль стен гостиной стояли шкафы (разумеется, старинные, антикварные!), заполненные разными диковинами, предметами быта и просто безделушками, представляющими собой немалую ценность. Редкие образцы посуды чередовались с замысловатыми пепельницами, раритетные скрипки соседствовали с необычными видами холодного оружия, украшенного золотом и полудрагоценными камнями, а также дуэльными пистолетами с золотой насечкой… Все это покоилось за стеклом шкафов и в специальных пластмассовых боксах, крикливо извещая о своей уникальности и весьма высокой цене.

Тем же самым складом антиквариата выглядели и смежные с гостиной комнаты – две спальни, детская и кабинет. Даже просторная кухня-столовая, куда вела дверь из прихожей, изобиловала всевозможными редкими и ценными предметами. Невольно возникало ощущение, что обитатель этой квартиры только тем и занимался, что узлами, мешками, чувалами, баулами денно и нощно таскал сюда покупки из антикварных магазинов.

Заглянув в одну из спален, Лев увидел Стаса, который, стоя перед достаточно крупным – почти полуметровой высоты – бронзовым изваянием Будды, изображенного в позе «лотоса», рассматривал творение восточных мастеров. Скульптура покоилась на специальном постаменте в виде этажерки, искусно сработанном из дорогого красного дерева, с множеством полочек, которые тоже были уставлены всевозможными фигурками и изваяниями – из мрамора, яшмы, нефрита, бронзы и слоновой кости. Верхнюю занимали индуистские боги, наподобие Вишну и Шивы, с которыми соседствовала многорукая Кали, выточенная из черного камня. Ниже в ряд стояли нефритовые слоны и слоноликий Ганеши, выточенный из сердолика, обезьяний царь Хануман, птица бога Вишну Варуна, с восседающим на ней богом-хранителем, сработанные из халцедона, миниатюрные копии индуистских и буддийских храмов из слоновой кости… На особом месте красовалась каменная копия Тадж-Махала из куска мерцающего мрамора.

И все же самым примечательным в этой комнате был именно Будда. Загадочный восточный человек-бог отстраненно взирал металлическими глазами на все, что простиралось перед его ликом. Его металлические губы были сложены в традиционно-невозмутимую восточную улыбку. Но так было только на первый взгляд. Встав рядом со Стасом, который, судя по всему, последние несколько минут рассматривал именно этот экспонат, Гуров неожиданно для себя обнаружил, что, вопреки древним канонам, улыбка этого Будды выглядела не бесстрастно-отстраненной, а ироничной. Мастер, создавший изваяние, какими-то неуловимыми штрихами сумел придать ей именно такой характер.

Вновь и вновь окидывая Будду изучающим взглядом, Лев находил все новые и новые подтверждения своей догадки. Покосившись в его сторону, Крячко мотнул головой в сторону изваяния и негромко прокомментировал:

– Прикольный получился Будда, да? Как будто смотрит на нас и хочет сказать: «Мужики, чего вы мечетесь как угорелые? Зачем суетитесь, куда торопитесь? На что свою жизнь тратите? Она у вас слишком коротка, чтобы разменивать ее по мелочам…»

– Определенно, в этом ты прав… – согласился Гуров. – Надо думать, усопший в его взгляде постоянно видел неодобрение своего неправедного житья. Поэтому вообще непонятно, зачем он его купил? Только лишь ради вложения денег?

Он вкратце рассказал приятелю об услышанном от Макса и Тани. Молча выслушав Льва, Станислав язвительно резюмировал:

– В общем, жил он, как говорится, ни богу свечка – ни черту кочерга. И помер, по сути, точно так же…

– Ну, а вот как ты считаешь, его смерть могла быть следствием каких-то естественных причин? – Гуров прошелся по комнате взад-вперед, рассматривая полотна классиков, размещенные почти под потолком, коллекцию фамильных фужеров, с выгравированными на них графскими гербами, поблескивающие искорками бриллиантов, золотом и эмалью ордена времен Екатерины Великой и серебряные ларцы, украшенные финифтью с портретами последней императорской семьи.

– Конечно! Если судить по реальным обстоятельствам, то иного мнения тут просто быть не может, – категорично определил Станислав. – Вон и эскулапы пришли к выводу, что умер он от остановки сердца. Случилось это, как они считают, часов шесть назад… – Он указал взглядом в сторону судмедэкспертов, которые не спеша снимали халаты, продолжая свой флегматичный диалог.

– А вот я, глядя на все эти богатства, думаю несколько иначе… – не согласился с ним Лев. – Кстати! На твой взгляд, сколько все это может стоить? Ну, так, навскидку? Мне думается, не менее двадцати-тридцати миллионов, пусть и рублей. Согласен? А ведь общеизвестно, что там, где пахнет огромными деньгами, естественная кончина их владельца – слишком большая для него роскошь.

Стас, хмуро взглянув на приятеля, несколько даже возмущенно всплеснул руками:

– И в чем же ты видишь признаки того, что Зубильского кто-то грохнул? Консьерж показания дал – последние двенадцать часов чужие в дом не заходили. Признаков присутствия посторонних в квартире не установлено. Следов борьбы нет. Каких-либо телесных повреждений, признаков асфиксии, гематом и прочего экспертами не обнаружено. Чего городить забор на пустом месте? Ты еще скажи, что некий киллер-чернокнижник навел на него сглаз и порчу.

Но Льва его запальчивость ни в чем не убедила.

– Да, следов тут никаких, но это отчасти даже настораживает – все-то тут и чисто, и гладко… Согласись, что при таких богатствах умереть от банальной остановки сердца – слишком большое счастье. Соседей опрашивали?

Изобразив гримасу досадливого разочарования, Крячко пояснил, что в этом доме двери для дачи показаний открывать не принято. Люди тут живут непростые, все со своими «тараканами», прибабахами и самомнением. Да и как не заважничать, если каждый первый в этом доме имеет неплохие связи на уровне города, каждый второй вхож в любой кабинет столичной власти, а каждый третий, прямо или хотя бы косвенно, не чужд власти федеральной? Так что тут не очень-то разгуляешься по части дознаний и допросов.

Единственная из жильцов, с кем удалось поговорить, – соседка из сорок первой квартиры. Собственно говоря, она и вызвала полицию. Часов в восемь вечера, вернувшись от дочери, пенсионерка заметила, что дверь Зубильского почему-то немного приоткрыта, но никакого значения этому не придала – мало ли что там может быть? Однако уже часу в десятом, глядя по телевизору детективный боевик из сериала про улицы, где вечно разбиты фонари, женщина неожиданно испытала нешуточное беспокойство. Выйдя в коридор, она увидела, что дверь все так же приоткрыта. Постучавшись и не услышав ответа, соседка заглянула

внутрь. Пройдя в гостиную, она с ужасом обнаружила там хозяина квартиры, который уже начал коченеть.

– Мне кажется, ее дергать уже не стоит, – сочувственно махнул рукой Стас, – она и так в полном смятении. С ней и местные опера разговаривали, и я ее уже расспрашивал…

– Все ясно… – согласно кивнул Лев. – Эту пенсионерку беспокоить не будем. А что касается всех остальных – попробуем обходной маневр.

Выйдя в гостиную, он поймал вопросительный взгляд майора, который уже закончил свои телефонные разговоры и перелистывал на столе какие-то бумаги.

– Полковник Гуров, главк угрозыска, – представился Лев, как бы отвечая на его немой вопрос.

– Майор Бояров, – бодро откликнулся тот. – Товарищ полковник, общую часть работы мы уже практически закончили, остались лишь кое-какие мелочи… От вас какие-то дополнительные распоряжения будут?

– Вы с соседями по этому этажу, по второму и четвертому, пытались общаться? – Гуров вскользь окинул взглядом коллекцию старинных икон, соседствующую с целым лесом подсвечников, канделябров и бра у стены напротив (ну и понатащил мужик всякой всячины!)

– Пытались… Но нам никто не открыл! А напирать – тоже, знаете ли, в этом доме весьма рискованно.

– Да, с этим не поспоришь. Хорошо! Сейчас что-нибудь придумаем…

Лев спустился по лестнице в вестибюль и запросил у консьержа список всех жильцов, со второго по четвертый этажи. Тот, немного повздыхав и недовольно морщась, требуемое все же предоставил. Быстро выписав себе в блокнот десятка три фамилий, Лев снова поднялся наверх и, подозвав к себе Стаса с майором, раздал им по листочку с номерами квартир.

– Вам – второй этаж, – лаконично пояснил он, взглянув на майора. – Станиславу Васильевичу – четвертый. Я отрабатываю третий. Суть такова. Будем работать в русле персонального общения. Согласитесь, если приходит некто неизвестный и через дверь обращается к жильцу на уровне «эй», десять против одного, что ему не откроют. Если обращается по имени-отчеству, то соотношение будет совсем другое, минимум пять на пять. Работаем!

Когда Крячко, на ходу вчитываясь в номера квартир и фамилии, проворно взбежал наверх по лестнице, застеленной ковром, Гуров запоздало вспомнил, что не дал приятелю еще одного, самого ценного указания, которое давал всегда и всюду: игнорировать местных дам. Стас, будучи натурой крайне увлекающейся, без конца попадал в истории, порой очень даже скандальные. Впрочем, как бы ни показалось это удивительным, в подобных ситуациях ему всегда невероятно везло, и он неизменно выходил сухим из воды.

Лев уже собрался поспешить следом за Крячко на четвертый этаж, дабы все-таки напомнить тому о необходимости вести себя достойно, но передумал. Приняв к сведению то обстоятельство, что Стас и сам должен иметь голову на плечах, а также учитывая, что здесь, в «министерском заповеднике», подобные вольности крайне маловероятны, он направился к двери с номером тридцать один. Нажав на кнопку звонка и услышав чьи-то шаги, громко и четко выкрикнул:

– Анатолий Константинович? Вас беспокоит полковник Гуров, Главное управление угрозыска. Вы не могли бы ответить на пару вопросов?

Дверь неохотно приоткрылась, и на пороге показался лысоватый гражданин лет пятидесяти пяти в пижаме и шлепанцах. Молча выслушав просьбу нежданного гостя рассказать о соседе по этажу, хозяин квартиры, пожимая плечами, сообщил, что, в общем-то, в чужую жизнь совать нос он не привык, однако пару месяцев назад из квартиры Зубильского доносились звуки какой-то ссоры. Впрочем, кто, с кем и почему выяснял отношения, он не знал. Да и не интересовался.

Поблагодарив его, Лев направился к следующей двери с номером тридцать два, но вновь выглянувший в коридор Анатолий Константинович своевременно сообщил, что там никого нет – хозяева за границей, а домработница приходит только днем.

В тридцать третьей квартире жильцы оказались дома, однако дверь оперу никто не открыл. Попросив выйти значащегося здесь Романа Алексеевича, Гуров услышал донесшееся из-за двери брюзгливое:

– Я не обязан общаться с теми, кого не знаю. Всего доброго!

«И тебе шило в задницу, зануда!» – мысленно парировал Лев, направляясь дальше. Из жильцов имеющихся на третьем этаже пятнадцати квартир с ним пообщаться согласились семеро – то самое количество, которое он и предполагал. Правда, не все из тех, кто откликнулся, смогли сказать что-то дельное. Большинство знало о жизни Зубильского лишь по слухам. Лично с ним поддерживали хоть какие-то отношения считаные единицы, но и они мало что знали о некогда очень влиятельном «сером кардинале» еще из советского, а потом и российского правительства.

Лишь обитательница сорок второй квартиры прояснила суть скандала, случившегося в стенах обиталища Зубильского. По ее словам, Платон Модестович уже лет десять состоял в разводе со своей женой. Их расставание было шумным и скандальным. Жена, как можно было понять из ее реплик во время ссоры, претендовала на изрядную часть антикварных богатств мужа. Однако тот оказался весьма хитер, оформив ценности таким образом, что они не попадали под понятие «совместно нажитого имущества». Единственное, что отошло к ней – квартира в Лефортове и часть денежных средств, в сумме «какого-то там» десятка миллионов рублей.

Дети Зубильских – сын и дочь, после окончания престижных вузов уехали за границу. Теперь у них там свои семьи, свой бизнес, и в Россию они возвращаться уже не собираются. Но однажды Зубильские-младшие вдруг прикатили к своему папочке. И не потому, что очень соскучились, а чтобы уговорить его написать завещание в их пользу. Тем же днем к экс-мужу нашла повод заглянуть и экс-жена. Как видно, консенсуса членам семьи Зубильских достигнуть так и не удалось, тихое семейное чаепитие (если только оно имело место быть) завершилось буйным выяснением отношений.

– Я хорошо слышала, как Мила… Ну, жена Зубильского, кричала своему Платошке: «Что б ты СПИД подцепил от своих проституток, сволочь!» – приглушив голос, почти шепотом сообщила соседка.

– Хм… – чуть заметно улыбнувшись, хмыкнул Гуров. – Это надо понимать так, что в свои шестьдесят восемь Зубильский встречался с молодыми женщинами?

Соседка в ответ лишь развела руками.

– Сама ни разу не видела, чтобы он кого-то сюда водил… Ну, а если где-то вне дома и встречался, то об этом ничего сказать не могу. Что от нее услышала, то и передала.

Задав еще несколько вопросов, Лев поблагодарил ее и отправился дальше. Впрочем, в оставшихся трех квартирах ничего дельного узнать не удалось. Кто-то объявил, что болен и поэтому выйти не может. Кто-то уведомил, что «такой козел, как Мозоль» его никогда не интересовал. Хозяин сорок пятой квартиры, лишь выглянув из-за двери и буркнув что-то маловразумительное, тут же вновь исчез за ней…

Когда Гуров собрался уже спускаться вниз, появился майор Бояров. Избытка оптимизма он не источал, но тем не менее выглядел вполне довольным. По словам майора, из пятнадцати квартир второго этажа дверь ему открыли в пяти. Правда, что-то дельное узнать удалось лишь от одного человека – хозяйки двадцать седьмой квартиры. Та оказалась хорошей знакомой экс-супруги Зубильского. Рассказав кое-что из жизни этой пары, она снабдила Боярова телефоном Эмилии.

– Ну, так позвоните ей, пусть приезжает, и немедленно! – распорядился Лев, кинув обеспокоенный взгляд на лестницу – Стаса не было подозрительно долго.

Кивнув, майор достал из кармана свой сотовый и, набрав номер, замер в ожидании. Гуров еще раз оглянулся и, взглянув на часы, решительно поднялся на четвертый этаж. Как он и опасался, Стаса там не было. Конечно, Крячко вполне мог напроситься к кому-то из жильцов на «рюмку чаю», и подозревать его в неких не вполне пристойных проделках было бы излишним. Но… Лев слишком хорошо знал своего закадычного друга, чтобы питать наивные надежды на подобные обстоятельства. Увы!

Когда он вернулся на третий этаж, Бояров по мобильнику что-то дотошно объяснял своей собеседнице на том конце связи. Наконец майор устало опустил телефон и, нажав на кнопку отбоя, сокрушенно помотал головой:

– Ну, елки-моталки! Ну, блин, артистка! Представляете, никак не могла наслушаться о том, что ее бывшего мужа уже нет в живых. Раз пять переспросила: «Он что, и в самом деле лежит и не дышит, да?» Похоже, долгонько ждала она этой вести. Сейчас примчится…

Гуров невольно рассмеялся. Действительно, наша жизнь – сплошной парадокс. От грустного до смешного – один шаг. Для главного фигуранта сегодняшних событий происшедшее с ним – неописуемая трагедия. А вот для тех, кто теоретически должен бы сейчас оплакивать утрату, его кончина стала поводом к восторженному ликованию.

Следом за майором он направился в квартиру, но в это время сзади него на лестнице послышались крадущиеся шаги. Лев оглянулся и увидел Станислава, который с независимым видом неспешно шагал по ступенькам вниз. На его лице было написано что-то наподобие: «Да знает ли кто-нибудь, сколь ценную информацию мне удалось раздобыть! А каких тяжких трудов это стоило?!» Но Гуров углубляться в психологические изыски настроен не был. Развернувшись к Стасу, он измерил его изучающим взглядом и коротко спросил:

– Опять?

– Не опять, а снова! – с вызовом парировал Крячко, подходя к нему. – Чего насупился как сыч? Все нормально. Взял интересную информацию. Ну, что опять не так?

– А ты не догадываешься? – В голосе Льва звучала нескрываемая ирония.

– Не-а… Даже не берусь! – нахально ухмыльнулся Станислав. – Не надо, не надо таращиться на меня, как на чудо заморское. И вообще, мне стоит или не стоит рассказывать про то, что удалось узнать о нашем усопшем?

– Стоит, стоит… – все так же насмешливо «подбодрил» Гуров. – Только сначала сотри со щеки губную помаду. Есть чем? Как всегда, у бедного Никитки – ни иголки, ни нитки… Вот, возьми, приведи себя в порядок!

Он достал из кармана чистый носовой платок и протянул приятелю. Тот поспешно протер правую щеку, на всякий случай проделав то же самое и с левой, и, оглядевшись по сторонам, вполголоса заговорил:

– Короче, Лева, ты не поверишь, но я даже и не думал о чем-то «таком»! Честное слово! На четвертом, кстати, люди живут вполне вменяемые. Народ в основном откликался и пытался мне помочь, но не всегда знал, чем именно. И вот уже перед самым концом постучался я в одну дверь. Вышла деваха, лет тридцати. Ну… подмигивает мне и предлагает: а не опрокинуть ли нам, типа того, по рюмашке?

– Но ты решительно отказался! Да?

– Нет, Лева, – укоризненно покачал головой Стас, – я спросил, не может ли она рассказать что-нибудь про Зубильского, о его последних днях жизни? Ну, она пообещала, что, если выпьем на брудершафт, тогда и расскажет кое-что интересное. А мне куда деваться? Интересы-то дела превыше всего… Ну, зашли, опрокинули. Как все остальное получилось – я и сам не очень понял. Вообще-то она меня фактически принудила. Зря смеешься! Я ей еще сказал: Катенька, а может, не стоит? Она решила, что стоит, а потом…

– Стас, давай ближе к сути! – Гуров поморщился и коротко отмахнулся. – Итак, потом она тебе сказала… Что конкретно?

– Конкретно? Короче, она как-то раз у антикварного магазина на улице Молотиловской случайно стала свидетелем разговора Зубильского с тремя какими-то парнями, по виду – уголовниками. У всех троих на руках были татуировки. Всего разговора она не слышала, но, как ей удалось понять из обрывков того, что до нее доносилось, Платон Зубильский где-то за городом совершил ДТП и серьезно повредил их машину. Они требовали, чтобы он не только восстановил их «тачку», но и выплатил моральный ущерб. Случилось это месяца три назад. Вроде бы факт ДТП был зафиксирован гаишниками.

– Интересный момент… – задумчиво кивнул Лев. – Надо будет проверить.

– Кстати, Лева! Ну, ты-то, я надеюсь, про сегодняшний случай с Катюхой Петру не расскажешь?.. – начал Станислав, однако Гуров сердито отмахнулся:

– А то как же! Обязательно настучу. Я же только этим и занимаюсь, больше мне делать нечего… Хорош глупости городить! Ну, накуролесил – что с тобой поделаешь? Давай делом заниматься, а не ерундой страдать.

В глазах Стаса, выслушавшего эту тираду с показным смирением, вдруг промелькнуло что-то жульнически-шутовское. Заподозрив какой-то подвох, Гуров молча посмотрел на него изучающим взглядом, а Крячко в ответ состроил рожу и, громко хохотнув, укоризненно помотал головой:

– Ну, Лева! Ну и купился же ты задешево! Ой, чудо ты в перьях! Да ни хрена никаких «приключений» у меня не было и в помине. Понял? Да, было дело, позвала меня к себе в гости одна женщина. Ну, как – женщина? Бабушка – «божий одуванчик»… Причем с особым «бзиком» – пока с ней чаю лечебного не выпил, говорить вообще ни о чем не желала. Чай я пил с ней, чай! Ферштеен? А чтобы не разочаровывать тебя в неких там ожиданиях, когда уходил, попросил у бабули помаду ее внучки и подкрасил себе щеку. Еще вопросы есть?

– Бабушка, говоришь? – с долей недоверия улыбнулся Гуров. – Ну, ладно, верю. Раз уж так, безгрешный ты наш, то приношу свои искренние. На колени, надеюсь, падать не надо? Нет? Ой, спасибо, добрая душа!

– Да уж, на здоровье, на здоровье! – в той же интонации парировал Крячко.

– Все! Кончаем эту болталогию. – Гуров коротко рубанул рукой. – Значит, в активе Зубильского есть серьезное ДТП. Сейчас должна приехать бывшая жена нашего покойничка, может, она об этом что-то знает?

– Жена? Примчится оросить безутешными слезами чело усопшего? – саркастично хохотнул Крячко.

– Где уж там безутешными! – пренебрежительно отмахнулся Лев. – Бояров только успел сообщить, что ее Платон преставился, так она там чуть не в пляс пустилась. Думаю, на его похоронах будет очень весело – прощальные рыдания и стоны ему не светят.

Глава 3

Вскоре и в самом деле в дверях квартиры появилась энергичная особа лет пятидесяти, «с хвостиком», в брючном костюме вовсе не траурных расцветок. Она ворвалась в помещение как ураган и, едва поздоровавшись с присутствующими, забегала вдоль стен, как видно прикидывая, что из антикварных ценностей следует забрать с собой немедленно, а что оставить на потом. Уловив и сразу же поняв суть замыслов этой дамы, Гуров строго уведомил:

– Должен вас огорчить: здесь трогать ничего нельзя до полного завершения следствия и решения суда о наследстве.

Дама резко остановилась, словно наткнулась на фонарный столб, и, окинув Льва недоуменным взглядом, возмущенно воскликнула:

– А за каким же х… хреном меня пригласили? Да еще в такой поздний час?

– Причин тому много… – вежливо ответил Лев, словно разговаривал с изысканной леди из Букингемского дворца. – Прежде всего нужно опознать тело вашего бывшего мужа. Вот перед вами понятые, вот – усопший, лежащий на диване… Будьте добры, взгляните на него и скажите, действительно ли это – Зубильский Платон Модестович? Вдруг это не он, а какой-то посторонний человек?

Презрительно скривившись, женщина громко фыркнула:

– Х-ха! Чего мне на него взглядывать-то, на этого старого занудного козла? Я как только вошла, так сразу же и увидела, что это он. Он, он – Зубильский! Так и запишите: издох именно Зубильский…

– Так и запишем… – усмехнулся майор, садясь за стол и доставая из кейса бланк протокола. – Ваши полные имя, фамилия, отчество?

– Слюдянцева Эмилия Шалвовна, – ответила та, роняя слова «через губу». – Год рождения? Шестьдесят третий. Хотя вообще-то подобные вопросы женщинам задавать не принято.

– Когда и при каких обстоятельствах вы последний раз виделись с покойным? – спросил Гуров, с нейтральным выражением лица глядя на бойкую вдову.

– Ага! Вон откуда ветер подул! – понимающе рассмеялась она и погрозила ему пальцем. – Вон с какого боку зайти надумали! Видимо, мои драгоценные соседи понарассказывали про нашу с ним последнюю встречу, про то, как он поднял визг, лишь услышав о том, что его кровные, законные дети не хотят остаться без копейки?

– У ваших детей трудное материальное положение?.. – сочувственно покачал головой Лев.

– Я не сказала, что им не на что жить – мои дети грамотные и трудолюбивые, – горделиво подбоченилась Слюдянцева. – Себе на жизнь они зарабатывают. Но сами знаете, что лишних денег не бывает. А все то, что здесь накоплено, заработано нами совместно.

Дальнейший разговор с Эмилией протекал в духе КВНовской «разминки», когда на вопросы оперов их собеседница давала пусть и не вполне точные, зато чрезвычайно язвительные, а порой и юморные ответы. На вопрос Боярова о том, как «госпожа Слюдянцева» в общем и целом оценивает свою жизнь с Зубильским и почему они развелись, она издала лишь громкое «Х-ха!»

– А соответствует ли действительности информация одной из жительниц этого дома, что во время ссоры с мужем вы пожелали ему подцепить СПИД от девиц, с которыми якобы он встречался? – спросил Гуров все тем же нейтральным тоном.

– Желала! – охотно подтвердила Эмилия.

– Однако жильцы дома не засвидетельствовали факт присутствия в этой квартире посторонних женщин, – прищурившись, заметил Станислав.

– А откуда им тут взяться? Платошка еще тот конспиратор, возил их в загородный дом. От меня тайком он его купил и оформил на какого-то своего дружка, такого же облезлого старого кобелишку. Из-за этого, кстати, и развелись.

– Но он же, говорят, был очень жадным… А девицы требуют немалых затрат. Не за так же они с ним встречались! – вопросительно взглянул на вдову Лев.

– Это смотря на что он был жлобярой! – шумно вздохнула та. – На своих сучек он ничего не жалел. И выбирал-то, козлина, каких помоложе, чтобы не старше двадцати. Я его как-то раз попробовала подловить, чтобы сделать компрометирующее фото и заставить эту тварь вспомнить о своих детях – он в тот день снял сущую соплюху, лет шестнадцати, так он от меня так погнал по дороге, что даже с каким-то джипом на перекрестке крепенько шандарахнулись. Хозяева джипа погнались за ним. Я надеялась, что они его грохнут, но, видимо, откупился, пес шелудивый…

– Это было месяца три назад, где-то в июне? – уточнил Гуров.

– Да, в самом начале… – подтвердила Эмилия. – Как сейчас помню, около какого-то поселка… Как же его? Вроде бы Тютянино.

– Да, есть такой поселок… – согласился Лев, обменявшись взглядом со Станиславом.

Скорее всего, безмолвно рассудили опера, где-то в тех местах должен быть и загородный дом Зубильского. А это уже хорошая возможность найти зацепку.

– Вы сказали, что свой загородный дом ваш бывший муж оформил на некоего приятеля, – вновь задал свой вопрос Станислав. – А как бы нам его найти? И, кстати, кого-то еще из его друзей вы знаете?

Снова разразившись пренебрежительным «Х-ха!», Слюдянцева категорично отмахнулась:

– Да откуда у такой сволочи могут быть друзья? Тот кобелишка с ним контачил только потому, что Платошка позволял ему развлекаться в своем доме. Кстати, он еще жаднее Платошки, шлюх выбирал себе самых дешевых. А как его зовут и где он живет – я даже не интересовалась.

Отвечая на вопросы Гурова, вдова рассказала о министерском прошлом бывшего мужа. В частности, о том, что, будучи весьма сведущим как по части своей основной сферы деятельности, так и в плане «дворцовых» интриг, Зубильский в течение многих лет, вплоть до ухода на пенсию, ухитрялся распоряжаться финансами министерства как своими собственными.

Ему не раз предлагали возглавить это структурное подразделение федеральной власти, но он категорически отказывался, мотивируя свое нежелание тем, что «надо давать дорогу молодым». На самом деле ему было достаточно и того, что у него имелось. Хватало рычагов влияния, позволяющих манипулировать даже своими непосредственными руководителями. А самое главное, имелась возможность, не неся серьезной ответственности, безбоязненно брать откаты, «пилить» бюджет министерства, манипулировать с госзакупками. Именно в министерские годы его и прозвали Мозолем – за омозоленную совесть, абсолютную беспринципность и безграничный цинизм.

– …Я сама работала в департаменте образования – не смотрите, что разговариваю, как… стерва с коммунальной кухни, – закуривая, тягостно вздохнула Эмилия. – У нас там тоже всякого хватало. Но уж того, что вытворял Платошка… М-м-м!.. Хватило бы на несколько детективных романов и сотню уголовных дел. До сих пор удивляюсь, как такую заразу могли держать на высоком посту, как он не сел лет на двадцать…

По просьбе оперов Слюдянцева осмотрела всю квартиру и заявила, что, как ей показалось, все ценности на месте, за исключением кое-каких мелочей, скорее всего отданных Зубильским проституткам в оплату интим-услуг.

…Покончив со всеми протокольными и следственными действиями, ближе к полуночи опергруппа покинула квартиру экс-замминистра, труп которого незадолго до этого увезла

машина из морга. После того как квартира была опечатана и поставлена на охранную сигнализацию ОВО, Лев и Станислав спустились в вестибюль, обсуждая сегодняшнее, одновременно и банальное, и весьма неординарное происшествие.

Поминутно зевая (время уже близилось к двум часам ночи), они единодушно признали, что «подогнанное» им Орловым расследование и в самом деле имеет все признаки «глухаря». На данный момент реальных зацепок не просматривалось ни одной. Версии вроде бы витали и вырисовывались, но только на уровне досужих фантазий и абстрактных предположений. Поэтому приятели единодушно решили – если вдруг нигде ничего не «проклюнется», следует еще раз «перелопатить» жильцов этого дома на всех без исключения этажах.

Они миновали сонно хлопающего глазами консьержа и, уже выходя на улицу, в дверях вестибюля неожиданно столкнулись с мужчиной лет пятидесяти в импортном костюме «дипломатического» покроя. Всего лишь мельком взглянув на него, Гуров сразу же вспомнил, что это некто Рюмашевич, с которым он когда-то уже «пересекался», причем довольно-таки давно. Лет пятнадцать назад этот человек работал в столичной мэрии, возглавляя контрольную структуру, курировавшую городскую торговлю. Когда его подставил зам, жаждавший занять место «самого», создав хитрую имитацию получения крупной взятки, за что Рюмашевичу светил приличный срок, один лишь Лев сумел распутать клубок чиновничьих интриг и изобличить жульничающего карьериста.

Мужчина, как видно, тоже узнал своего былого спасителя. Просияв улыбкой, он удивленно всплеснул руками:

– Лев Иванович! Здравствуйте! Вот уж не чаял увидеть вас в нашем доме! Сколько зим, сколько лет!

– Добрый вечер, Михаил Валентинович, – с ноткой приятельского расположения поздоровался Гуров. – Да, давненько не виделись… Но мы здесь оказались не по самому радостному поводу. Приказал долго жить ваш сосед по дому Зубильский. Вот нас со Станиславом Васильевичем и подпрягли расследовать его кончину, чтобы установить – сам преставился Платон Модестович или ему, так сказать, кто-то помог.

Похоже, эта новость Рюмашевича очень удивила.

– Ну и ну! – произнес он с недоумением. – Странный случай! Мне так думалось, этот дедуля кого угодно переживет. Все время такой шустренький, бодренький бегал… И – на тебе!..

– А вы не припомните, когда видели его последний раз? – почуяв, что этот разговор может дать хоть какую-то точку опоры, поспешил спросить Крячко.

– Да сегодня… То есть теперь уже вчера утром и видел… – Мужчина озабоченно наморщил лоб. – В восьмом часу на работу уходил, он тоже спускался на лифте. Я с ним поздоровался, он в ответ что-то буркнул – то ли «отстань», то ли тоже поздоровался. Мы вышли на улицу и направились каждый в свою сторону. Я – на машине к себе на работу, а он пешком куда-то в сторону Молотиловской. Там, как вы, наверное, знаете, большой антикварный магазин, он туда частенько бегал. Хотя вообще-то посещал не все антикварные магазины Москвы. Он всегда так: или где-то в антикварном, или с гулящими девками на своем «ранчо». Ох, и падок был на женщин!

– Михаил Валентинович, а вы не в курсе, в каких краях находится это самое «ранчо»? – поинтересовался Гуров. – Не в округе ли поселка Тютянино?

– Вот этого я не знаю… – огорченно пожал плечами Рюмашевич. – Мне и название-то такое незнакомо – Тютянино…

– Жаль, очень жаль! – почесал кончик уха Стас.

– М-м-м… Знаете, я кое-что припомнил… Думаю, это вам может показаться интересным.

По его словам, не так давно он проезжал по улице Молотиловской и совершенно случайно увидел Зубильского. Тот стоял напротив входа в антикварный магазин, который вроде бы называется «Тиара-голд». Был он не один, а с каким-то мужчиной неопределенной наружности. Они о чем-то спорили и, как это можно было понять, достаточно жестко. Судя по всему, незнакомец что-то требовал у Зубильского, а тот категорично ему в этом отказывал. Лица того человека Рюмашевич толком не разглядел, но ему подумалось, что собеседнику Зубильского что-то около сорока пяти – не более, роста он выше среднего, в плечах крепкий, и потому больше напоминал не знатока антиквариата, а бывшего опера или военного.

…Утром, сидя в кабинете генерала Орлова, приятели докладывали о вчерашних изысканиях на улице Пармской. Слушая своих приятелей-подчиненных, Петр Орлов задумчиво крутил в руках авторучку и хмурил лоб. Минут за десять до появления Льва и Станислава ему звонили из министерства. Замминистра пожелал услышать последнюю информацию о расследовании смерти персонального пенсионера федерального значения Зубильского. Припомнив все то, что еще поздним вечером телеграфным стилем ему передал Лев, Орлов, несколько развернув сжатые формулировки, изложил общую картину происшедшего и первичные наметки версий.

– То есть у ваших сотрудников есть реальные подозрения в том, что смерть Зубильского – следствие чьего-то преступного умысла? – уточнил его собеседник.

Едва не скрежеща зубами от раздражения, Петр тем не менее «марку держал», говорил ровным, официальным слогом:

– Да, несмотря на то что внешне кончина данного человека выглядит как естественный жизненный финал, предположительно от остановки сердца, оперативные сотрудники Гуров и Крячко считают, что, возможно, не обошлось без вмешательства со стороны. Сегодня суд-медэксперты более тщательно проведут все необходимые исследования, и тогда можно будет сделать более конкретные выводы и заключения.

Замминистра, дав несколько пространных «ценных указаний» по части того, как правильно вести расследование, в заключение добавил:

– Этот случай должен быть расследован тщательнейшим образом. Пусть Платон Зубильский и пенсионер, но он бывший руководитель федерального уровня. А это случай – особый, соответственно, требующий особого подхода. Надеюсь, вы это понимаете.

Заверив своего собеседника, что он, безусловно, все осознает, как надо, и к этому происшествию намерен отнестись предельно внимательно, Петр наконец-то смог положить трубку и вслух сказать то, что так вертелось на языке:

– Не учи ученого, японский городовой…

Обсуждая с операми планы на предстоящий день, Орлов на всякий случай осторожно уточнил еще раз:

– Мужики, у вас точно есть «чуйка», что этот Зубильский преставился не сам по себе? Хреново будет, если время на этого дедка мы потратим, а в итоге окажется, что никакого дела нет, что умер он исключительно естественным путем. А у меня уже сейчас два таких замороченных случая, что без вашего участия они запросто могут перейти в категорию «висяков». Я уж думал Стаса перебросить на этот фронт – Лева и сам управился бы, но, с учетом министерского ЦУ, какие тут могут быть рокировки?

– Солидарен! – Крячко вскинул вверх левый кулак, по-«ротфронтовски» развернув его сжатыми пальцами вперед. – Никаких рокировок! Кстати, Петро! А почему ты думаешь, что без нас эти самые замороченные дела никто не раскрутит? На нас что, свет клином сошелся? Больше молодым надо доверять. А иначе – как им расти?

– Вот это правильно! – Считая разговор законченным, Гуров поднялся с кресла. – К нам вопросов больше нет? Тогда – будь здоров!

– Покедова! – поднявшись следом, подмигнул Станислав и шутовски помахал рукой.

– Чуть появится какая-то новая информация – немедленно звоните! – хмуро напомнил Орлов, глядя вслед приятелям.

– Аб-затэлно! – ломая язык на восточный лад, бросил через плечо Крячко, закрывая за собой дверь.

Вернувшись к себе, приятели еще раз вкратце обговорили планы на предстоящий день. По обоюдному согласию было решено, что Стас берет служебную машину и отправляется в окрестности поселка Тютянино, где ищет загородную «фазенду» Зубильского, а Гуров едет в «Тиару», где беседует с персоналом и изучает записи камер видеонаблюдения за последние два-три месяца. Кроме того, он же берет информацию по ДТП с участием новопреставленного и разыскивает других фигурантов того происшествия.

Помимо всего прочего, опера решили загрузить ведущего сотрудника информотдела Жаворонкова работой по «прочесыванию» Интернета на предмет выявления всего того, что связано с именем Платона Зубильского – а вдруг вынырнет нечто дельное? Напоследок Стас взял на себя труд связаться с коллегами, в чьем ведении борьба с подпольным рынком интим-услуг. Этих было решено напрячь в плане того, чтобы были найдены «жрицы любви», обслуживавшие пенсионера Зубильского на его «фазенде».

Когда разговор был уже фактически закончен, Лев решил в дополнение всего, что уже было включено в план расследования, созвониться со своим старым информатором, «малинщиком» Константином Бородкиным по прозвищу Амбар. Он набрал номер экс-вора, ныне – пенсионера, хоть и не федерального значения, но и не из бедствующих (что не обошлось без вмешательства Гурова, который поднапряг собесовцев, чтобы те дали старику достаточно приемлемую пенсию – все же экономический эффект от изыскиваемой им оперативной информации существенно превышал затраты пенсионного фонда на его содержание). Услышав давно уже знакомое «Алле?», Лев спросил, может ли тот говорить.

– Дык, это, Левваныч, я ща своего Джека выгуливаю… Слушаю вас! – похохатывая, сообщил Бородкин. – Собаку, вот, себе завел хорошую, а то недавно один недоумок драться кидался – «крышу» от «марафета» сорвало… Ну, я и обзавелся помощником. С ним спокойнее.

Гуров, в общих чертах обрисовав ситуацию со смертью Зубильского по кличке Мозоль, поручил Амбару «прозвонить» клиентов своего притона на этот счет. Желательнее всего было бы установить виновника смерти антиквара, но и любая другая информация, способная пролить свет на случившееся, была бы не лишней.

– Понял, понял! Нынче же займусь! – пообещал Бородкин. – До меня сегодня должон бы зайти Гришка-Змей, он месяц назад с зоны откинулся. Мужики толковали, тоже собирается заняться антикварными делами. Вот, его прощупаю… А про Мозоля я уже слыхивал. Ну, про его богатства. Базарили, будто дома у него барахла всякого – «лимонов» на сто, а то и на все триста. Только пробраться туда – попробуй!.. Лады, Левваныч, приступаю к выполнению!

– Ну, что там Амбар? – вопросительно посмотрел на Гурова Стас.

– Про самого Зубильского он еще раньше слышал, а вот о причинах его смерти будет выяснять у своих гостей, – ответил Лев. – Ну, что, за дело?

Поднявшись со стульев и молча хлопнув друг друга ладонью о ладонь, приятели направились к выходу. Когда они вышли на крыльцо, зазвонил сотовый Гурова, выдав мелодию: «… Милая, милая, милая, нежный мой ангел земной!..»

– Мария? – С ходу догадавшись, чей это может быть заочный «позывной», Крячко со значением ухмыльнулся. – Передавай от меня привет женщине, самой лучшей в этом мире и за его пределами!

Что-то беззаботно насвистывая, он зашагал по ступенькам, спускаясь к служебной «четырнадцатой», за рулем которой восседал, поглядывая в его сторону, сержант Костя. Тому

уже не раз доводилось возить на задания «корифея сыска столичного значения» Станислава Крячко, мужика отличного, но в иные моменты уж очень шумного и даже суматошного.

– Привет великим сыщикам!

Лев, услышав голос своей жены, ведущей актрисы крупнейшего столичного театра драмы Марии Строевой, приостановился и улыбнулся.

Сегодня утром он ушел на работу, когда Мария еще спала после вчерашнего чрезвычайно утомительного спектакля, в котором ей, как исполнительнице главной роли, на протяжении нескольких действий пришлось пережить тройные нагрузки. Но, как видно, отдохнула она неплохо – ее голос звучал бодро и жизнерадостно.

– Привет великим лицедеям! – в тон жене ответил он. – Тут вон Стас просил передать свой приветище, как всегда горячий, подобно вулканическому гейзеру.

– Если он еще не смылся, то и ему того же, – беззаботно рассмеялась Мария. – Слушай, Лева, ты в эти дни сильно загружен?

– Ну-у-у… Достаточно плотно. Но если вдруг потребуется, какой-то часок выкроить я смог бы. – Гуров пытался угадать, что же хочет предложить его знаменитая жена.

– Дело вот какое… – Мария теперь говорила предельно серьезно, судя по всему подбирая слова, чтобы более четко сформулировать свою мысль. – Мы начинаем ставить драму современного автора. В ней есть моменты, связанные с расследованием загадочного преступления. И вот нам требуется опытный сыщик-консультант, который дал бы несколько советов по тому, как показать работу настоящего профессионала. Ты смог бы?

– Ну, в принципе, почему бы нет? – пожал плечами Лев. – А что за сюжет? Какова его фабула?

– Если в двух словах, то суть драмы такова: Италия, при загадочных обстоятельствах умирает богатый дядюшка, и у его гроба собираются родственники, чтобы разделить наследство. Одновременно полиция проводит расследование. Все знают, что старик умер не сам по себе, и один из главных претендентов на наследство – его убийца. Скажем так, итальянские страсти на русских просторах…

– Надо же! – Гуров негромко рассмеялся. – Вчера вечером мы со Стасом начали именно такое расследование. Да, представь себе! При загадочных обстоятельствах умер некий персональный пенсионер – бывший крупный чин министерского уровня, оставивший после себя огромное наследство. Чую, и безо всякой Италии на просторах Москвы скоро могут разгореться самые что ни на есть итальянские страсти… Хорошо, назначай время, когда нанести вам визит, приду обязательно.

Выразив мужу признательность за понимание, Мария попрощалась. Спускаясь к своему «Пежо», Лев вспомнил, как однажды уже консультировал труппу театра на предмет соответствия игры актера-сыщика жизненным реалиям. Но ему это далось непросто. Один из «звездунов» той поры, излишне самовлюбленный и амбициозный актер, любое его замечание и рекомендацию принимал чуть ли не в штыки. «Звездун» считал, что сцена – это сцена, а жизнь – это жизнь, и не фига «какому-то оперу» поучать и наставлять будущего Щепкина. Вот и теперь, не исключено, придется корректировать игру какого-нибудь «Джорджа Клуни», который, чего доброго, тоже ударится в амбиции и начнет корчить из себя непризнанного гения.

Гуров сел за руль и, запустив мотор, покатил вдоль по улице, вливаясь в реденький поток машин. Отлично зная Москву, он заранее мысленно проложил маршрут до Молотиловской. Даже с учетом наличия пробок ехать туда предстояло не более получаса. «На автопилоте», но тем не менее аккуратно и грамотно ведя машину по бульварам и проспектам, Лев напряженно размышлял о расследуемом ими деле.

В принципе, случившееся с Зубильским являло собой все ту же «классику» криминальной тематики – вон, и спектакли ставятся с похожим сюжетом, и фильмы снимаются… Это в какой-то мере сродни стародавним анекдотам про тещу, которые, не исключено, сочи-

нялись еще во времена египетских фараонов. А почему нет? Тот же Рамзес или Тутанхамон – они ведь тоже были живые люди, и у них самих были тещи.

Ну, а детективы в той же мере очень круто замешены на богатых дядюшках. В самом деле, кого ни возьми – Конан-Дойля, Жоржа Сименона, Агату Кристи, любого другого детективщика, – каждый из них так или эдак зацепил тему загадочной кончины состоятельного старичка и последующего дележа его наследства внуками и племянниками.

Да и им со Стасом судьба тоже уже несколько раз подбрасывала происшествия подобного рода. Суть во всех случаях была как бы одна и та же, но только внешне. Нюансы и детали этих дел очень часто задавали событиям весьма замысловатые и даже неожиданные повороты. Бывало так, что ближе к концу их оперской работы внешне банальная, нудная история начинала смотреться чем-то наподобие высокой трагедии какого-нибудь Эсхила – Софокла.

Вот, взять хотя бы вчерашний эпизод… Из однозначно-предопределенной естественной кончины он вдруг начал перерастать в нечто, куда более масштабное и серьезное, сопряженное с нешуточными перипетиями и коллизиями криминального характера. А ведь еще не началась дележка наследства. Не станет ли она цепочкой загадочных смертей?

Течение его мыслей было прервано не совсем понятной картиной, внезапно бросившейся в глаза, – из «Тойоты», кривовато приткнувшейся к бордюру обочины, сотрудники дорожно-патрульной службы и санитары «Скорой» вытаскивали безжизненное тело какого-то мужчины в джинсах и рубашке с коротким рукавом. Лев даже не понял, чем же его заинтересовало это не самое уникальное и не самое драматичное событие. Но его руки как бы сами по себе вырулили к обочине, правая нога сама нажала на педаль тормоза, и Гуров, открыв дверцу, поспешил к месту происшествия.

Подойдя к «Тойоте», он достал из кармана удостоверение и, показав его молодому лейтенанту, который вел фотосъемку происходящего, поинтересовался обстоятельствами случившегося. Тот, пожимая плечами, пояснил, что, согласно свидетельским показаниям очевидцев, «японка» остановилась здесь минут десять назад. Ее водитель в тот момент вроде бы был еще живой. Он сумел не только вовремя затормозить, но и заглушить мотор. Однако после этого, даже не сделав попытки выйти из кабины, рухнул лицом на руль и забился в конвульсиях.

Один из прохожих, оказавшийся медиком, проверив пульсацию сонной артерии владельца «Тойоты», объявил, что данный гражданин, скорее всего, уже преставился. После этого известия кто-то из очевидцев вызвал «Скорую», кто-то остановил проезжавший мимо экипаж ДПС…

– На всякий случай мы решили осмотреть машину на предмет наличия взрывчатых и тому подобных опасных предметов, – пояснил лейтенант, продолжая съемку. – Вон, уже и понятых нашли пару человек, – кивком головы указал он на двух серьезных дядек предпенсионного возраста, которые о чем-то негромко разговаривали, стоя неподалеку.

– Разумно, – согласился Гуров, всматриваясь в багрово-синюшное лицо умершего, которое ему отчего-то показалось знакомым.

Санитары и дэпээсники к этому моменту уже уложили хозяина «Тойоты» на носилки. Старший группы с погонами капитана, проверив карманы его джинсов и ветровки, лежавшей на заднем сиденье, достал бумажник с документами, портмоне, начатую пачку сигарет, зажигалку, связку ключей, носовой платок, расческу, записную книжку и достаточно дорогую авторучку, пусть и не золотой «Паркер», но тем не менее из престижных.

В бумажнике, кроме паспорта на имя некоего Рефодина Ильи Алексеевича, проживающего на улице Успенского, шестнадцать, квартира пятьдесят, обнаружились водительские права на это же имя, техпаспорт автомобиля. Имелось в бумажнике и штук пять кредиток, три визитки (одновременно дисконтные карты) полулегальных «массажных салонов». В кармашке-«пистончике» брюк обнаружилась упаковка презервативов «Сатир». В портмоне оказалась изрядная сумма денег в рублях, долларах и евро, эквивалентная полусотне тысяч рублей.

При осмотре автомобиля чего-то из ряда вон выходящего найти не удалось. В бардачке – «травмат», пара упаковок патронов к нему, колода карт, на заднем сиденье – бита, в багажнике – гаечные ключи, домкрат, буксирный конец, большая сумка с провизией и картонная коробка с водкой.

Убедившись, что чего-то запретно-опасного в «Тойоте» нет, Лев решил ехать дальше, напоследок выяснив у фельдшера «Скорой» предполагаемые причины смерти Рефодина. Медик, пожимая плечами, пояснил, что не исключено отравление каким-то ядом, скорее всего нервно-паралитического действия. Но более точно это можно установить, лишь проведя токсикологическую экспертизу.

Согласившись со своим собеседником – тут и впрямь без серьезной экспертизы не обойтись, Гуров уточнил, в какой именно морг должны отвезти умершего, после чего снова сел за руль «Пежо» и продолжил путь на Молотиловскую. Он и сам не мог понять, чем именно заинтересовало его это происшествие, но интуиция подсказывала: тут есть что-то очень близкое к случившемуся с Зубильским. Что конкретно? А бог его знает… Просто подсказывает, что все это – очень даже неспроста.

«Да, что ни говори, а в природе случайностей не бывает… Есть лишь плохо изученные закономерности, – в который уже раз резюмировал Лев, маневрируя по запруженной транспортом улице. – Раз уж послало мне такую вот «веселую» встречу, значит, какой-то намек в этом гарантированно должен быть… Кстати! На всякий случай надо будет сориентировать Дроздова – пусть он поработает с этим усопшим. Вдруг окажется, что Рефодин и в самом деле имеет отношение к Зубильскому? Как говорится, чем черт не шутит!»

Он достал из кармана телефон и, набрав номер Дроздова, начал считать гудки вызова – раньше пятого или шестого тот никогда не откликался. Услышав «Алло?», произнесенное голосом завзятого зануды, Гуров вкратце изложил суть происшедшего и поручил штатному судмедэксперту главка доехать до названного им морга и досконально исследовать труп Ильи Рефодина. И не просто провести вскрытие, а задействовать весь комплекс токсико-биохимических исследований. Без особого восторга выслушав Льва, Дроздов, вздыхая, пообещал это поручение выполнить обязательно.

Положив сотовый на место, Гуров вдруг вспомнил, где мог видеть человека, похожего на Рефодина. Месяц назад в вечерних городских новостях был показан сюжет о бытовом конфликте на улице Успенского. Некий «крутой» гражданин во дворе своего дома прогарцевал по клумбе цветов, посаженных пенсионерками, причем на их глазах. Случилось так, что, приехав на обед, он оставил свою «тачку» прямо у подъезда. А когда вышел, обнаружил, что выезд ей загородила «Скорая», прибывшая к кому-то из жильцов. И тогда «крутой», не моргнув глазом, проложил себе новую дорогу, развернувшись на фиалках и левкоях.

В кадре возмущенные пенсионерки жаловались съемочной группе ТВ на «этого бездельника», который уже не первый раз вытворял нечто антиобщественное. Высказался и «виновник торжества», который без намека на сожаление о случившемся объявил, что цветов он «даже не заметил», поскольку очень спешил по делам.

«Скорее всего, это он и был… – мысленно рассудил Лев, лавируя в потоке машин. – Похоже, хреновенький был по своей натуре мужичок… А может, его за такие «хорошие дела» и грохнули? Хотя вряд ли. Пенсионерки на такое не пойдут. Да и где им взять нервно-паралитический токсин?»

…Антикварный магазин «Тиара-голд» занимал почти весь первый этаж девятиэтажки-башни. Над его роскошно оборудованным входом даже днем разноцветными огнями светилась большая вывеска. Лев припарковался на корпоративной автостоянке для покупателей и направился к широкому крыльцу у входа, облицованному полированным мрамором.

Войдя внутрь, он оказался в просторном помещении, весь внутренний периметр которого представлял собой одну сплошную стеклянную витрину от пола до потолка. Внутренние

стеклянные перегородки делили ее на отдельные шкафы. Вдоль них, поодиночке и парами, неспешно прохаживались люди разных возрастов обоего пола (хотя мужчины, безусловно, преобладали). Покупатели рассматривали здешние богатства и о чем-то негромко переговаривались. А посмотреть тут было на что. За стеклом витрин выставляли себя напоказ всевозможные уникумы, раритеты, шедевры, в числе которых и необычные безделушки, и по-настоящему бесценные творения самых разных мастеров. Помимо стен-витрин, все пространство зала заполняли ряды стеклянных параллелепипедов с изобилием хранящихся в них богатств.

Гуров с интересом окинул взглядом ближний к нему шкаф со старинными фарфоровыми куклами, которые соседствовали с древними булатными кинжалами в украшенных серебром ножнах, и увидел спешащего к нему молодого улыбчивого продавца. Поздоровавшись, тот учтиво спросил, что могло бы заинтересовать «уважаемого господина». Уведомив, что он вовсе не покупатель, а сотрудник угрозыска и пришел для того, чтобы задать ряд вопросов, для начала Лев спросил своего собеседника, знаком ли ему Зубильский Платон Модестович. Тот удивленно захлопал глазами и, осторожно подбирая слова, подтвердил, что данный гражданин ему вполне знаком.

– …Как же, как же! О-о-о! – Продавец говорил, сдержанно жестикулируя руками. – Это наш постоянный клиент. Он большой специалист по антиквариату. Его мнение в среде антикваров ценится очень высоко. А-а-а… почему вы о нем спрашиваете? Что-то случилось?

– В общем-то, да… Вчера вечером он умер, и мы пытаемся выяснить, произошло это по каким-то естественным причинам или… или не совсем естественным. – Гуров сообщил эту, в общем-то, весьма неоптимистичную новость спокойным, обыденным тоном.

Теперь глаза продавца резко округлились, он ошеломленно замер, явно не зная, как отреагировать на услышанное.

– У вас камеры видеонаблюдения работают? – поинтересовался Лев все с той же невозмутимостью.

– Так-то работают, но-о… – сокрушенно развел руками продавец, – практически все – в помещении. На улице всего одна, и то захватывает небольшой пятачок, прямо перед входом. Вы хотели взять материалы записей?

– Да, обязательно. У меня есть флеш-карта, на нее сбросить сможете? И еще… Мне нужны координаты людей, с которыми покойный контактировал. И прежде всего тех, с кем он по каким-то причинам конфликтовал. Вы хоть кого-то из круга общения Зубильского знаете?

Продавец, наморщив нос, пояснил, что здесь он работает лишь вторую неделю и потому в таких деталях не силен, а вот старший менеджер Тамара Серафимовна подобной информацией, скорее всего, располагает. Согласившись на рандеву со старшим менеджером, Гуров достал из кармана флешку и вручил ее своему собеседнику. Тот поспешил куда-то в сторону двери служебного кабинета, по пути что-то шепнув моложавой даме в строгом костюме. Та немедленно подошла к Гурову и, широко улыбнувшись, предложила свою помощь.

– Игорь сказал, что вас интересуют знакомые Платона Модестовича. – Упомянув имя постоянного клиента своего магазина, женщина чуть вздохнула, выразив этим мимолетный миг скорби по усопшему.

– И не просто знакомые, а люди, питавшие к нему неприязнь, – уточнил Гуров.

– Ну, в данный момент из присутствующих здесь покупателей я не рискнула бы назвать таковым хотя бы одного, – с сожалением констатировала Тамара Серафимовна. – Впрочем… Вон, видите двое мужчин о чем-то шушукаются? Они, насколько я знаю, с ним какие-то контакты поддерживали.

Она указала взглядом на двух пожилых, солидных дядек в очень даже недешевых костюмах, которые, судя по их оживленному общению у витрины, обсуждали достоинства и недостатки старинного письменного прибора из посеребренной бронзы.

– Вон те? Уже неплохо! – Лев пробежал изучающим взглядом по антикварной публике. – Теперь еще такой вопрос. Некоторое время назад господин Зубильский невдалеке от вашего магазина о чем-то очень горячо спорил с каким-то мужчиной крепкого сложения, средних лет. Может быть, вам довелось хотя бы краем глаза заметить собеседника Платона Модестовича? Меня интересует его внешность, какие-то характерные приметы…

Сохраняя на лице приятную, можно сказать, беззаботную улыбку, старший менеджер, что хорошо было заметно по ее взгляду, в этот момент напряженно решала отчего-то мучительный для нее вопрос – видела она ту сцену или «не видела»? Наконец, как видно решив, что все-таки видела, Тамара Серафимовна, продолжая беззаботно (хотя и чуть натянуто) улыбаться, утвердительно кивнула:

– Да, знаете, случайно выглянув в окно – ну, чтобы проследить за порядком на нашей корпоративке… в смысле, автопарковке, я увидела, как Платон Модестович что-то обсуждает с неким незнакомым мне гражданином. Мне тоже показалось, что общение нашего постоянного клиента с его визави носило несколько напряженный, я бы даже сказала, нервозный характер.

– Вы того человека хорошо запомнили? – испытующе прищурился Лев.

– Не сказала бы… – На лице Тамары Серафимовны промелькнуло выражение легкой досады. – Он почти все время стоял ко мне спиной и лишь пару раз повернулся так, что его лицо я видела в три четверти, но со стороны затылка. Вам же нужен фоторобот этого человека? Ну… В таком ракурсе его едва ли составишь. А знаете что, давайте, я попробую его нарисовать? Когда-то, еще в школе, я брала первые места на школьных конкурсах, и, что интересно, легче всего мне давались портреты. Как смотрите на такой вариант?

– Только положительно! – Гурову предложение собеседницы очень понравилось. – А как скоро вы могли бы выполнить эту работу?

– Минут двадцать времени у вас есть? Ну, тогда походите, посмотрите на экспозиции, а я тем временем попытаюсь заняться рисованием. Ну и заодно набросаю на бумаге контакты покойного Платона Модестовича. Хорошо? – Закончив говорить, старший менеджер, не дожидаясь ответа, быстро зашагала прочь.

Гуров, заложив руки за спину, не спеша приблизился к одному из ближних стеклянных колонн-шкафов. С интересом разглядывая его содержимое – курительные трубки, в числе которых были изделия как отечественных мастеров, в частности Янкелевича, Федорова, Киселева, так и продукция знаменитых зарубежных фирм – «Порше», «Бу Норд» и прочих, он краем глаза посматривал на все еще о чем-то спорящих пожилых джентльменов.

Перейдя к другому шкафу-колонне, где красовались старинные табакерки и портсигары самых разных форм и размеров, изготовленные из драгметаллов, полудрагоценного камня, слоновой кости, черного дерева и тому подобного, Лев продолжал наблюдать за антикварами. Неожиданно, вынырнув откуда-то сбоку, к нему подошел Игорь и, протянув флеш-карту, доверительно пояснил:

– Сбросил все архивы за последний месяц. «Гигов» на шестнадцать потянуло. Хорошая флешка – загрузилась без глюков, прямо в момент.

Лев поблагодарил продавца и, положив мини-накопитель информации в карман, продолжил свой путь по залу, делая вид, будто изучает заключенные в его стенах плоды труда сотен, большей частью, безвестных мастеров. Оказавшись рядом с интересовавшей его парой антикваров, которые рассматривали какие-то необычные фужеры с искусной гравировкой, он прислушался к их разговору. Те вполголоса сетовали на то, что «Модестыч где-то задерживается», а то он в момент назвал бы настоящую цену этих «объектов».

– Простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, но меня интересует все, связанное с Платоном Модестовичем, и поэтому я хотел бы задать вам несколько вопросов. – Лев улыбнулся, как бы извиняясь за свою возможную бестактность. – Вы с ним хорошо знакомы?

Мужчины, умолкнув, переглянулись и молча воззрились на рослого незнакомца, скорее всего пытаясь понять, не несет ли он в себе какой-либо угрозы.

– А вы кто будете? Тоже увлекаетесь антиквариатом? – наконец спросил один из коллекционеров.

– Нет, я из уголовного розыска, – просто ответил Лев.

Предваряя вопросы антикваров, он пояснил причины своего интереса, вкратце рассказав о случившемся с «Модестычем». На тех известие о непонятной смерти Зубильского подействовало довольно-таки шокирующе. Мужчины снова переглянулись. На их вытянувшихся лицах было написано: «Ничего себе кульбит!.. Как бы и нам следом за ним не отправиться…»

Понимая их внутреннее состояние, Гуров поспешил заверить своих собеседников в том, что кончина Платона Зубильского никак не свидетельствует о появлении в городе некоего маньяка-антикварофоба. Даже если смерть «Модестыча» и носит насильственный характер (что вообще-то еще следует доказать!), в большей степени ее стоит отнести к разряду заурядной бытовухи.

Это несколько разрядило атмосферу, и антиквары, назвавшиеся Петром Александровичем Штыровым и Робертом Олеговичем Степановым хоть и без особого энтузиазма, но кое-что о своем знакомом рассказать все же рискнули. По словам обоих знатоков редкостей и ценностей, Зубильский был человеком весьма скрытным. Например, мало кто мог похвастаться тем, что бывал у него дома. Но для Петра Штырова и Роберта Степанова Платон исключение все-таки сделал, хотя, по словам обоих, ни тот, ни другой в его друзьях не состояли. Их отношения укладывались в рамки «шапочного знакомства», может быть, несколько расширенного формата.

После визита в его обиталище приятели долго пребывали в состоянии, мягко говоря, обалдения. Они уже много лет занимаются коллекционированием различных диковин и уникальных редкостей, однако увиденное в квартире Зубильского превзошло все их мыслимые ожидания. Те вещи, которые для них, людей далеко не бедных, из-за своей запредельной цены были абсолютно недосягаемы, у Платона лежали, что называется, навалом. Даже чаем он их угощал из чашек, цена которых могла измеряться в тысячах рублей за каждую.

– Не хочу бросить тень на память господина Зубильского, но у меня складывается такое впечатление, что он пригласил вас лишь для того, чтобы шокировать своими богатствами… – сочувственно улыбнулся Лев. – Причем, без риска излишней огласки. Вы же не стали на каждом углу рассказывать о его невероятной коллекции? Все правильно, вы придерживаетесь определенного кодекса поведения, о чем он знал наверняка. Его, конечно, понять можно – как ни верти, а показать свое собрание хочется всякому, и даже очень хочется… Верно?

– Ну, в общем-то, вы правы… – Штыров сокрушенно вздохнул. – Есть такая беда. Без конца любоваться своей коллекцией в одиночку однажды надоедает, хочется показать кому-то еще. Правда, иногда это приводит к не очень хорошим последствиям…

– Совершенно верно! – Степанов говорил, покачиваясь взад-вперед. – А Платон, насколько я смог его понять, всегда был «себе на уме». Он просчитывал каждое свое действие на несколько шагов вперед. И нас он – в этом вы совершенно правы – пригласил лишь для того, чтобы – да, произвести впечатление. Кстати, я не слышал, чтобы кроме нас двоих он приглашал кого-то еще, так что в его квартире – я в этом уверен! – человек случайный, способный причинить ему вред, оказаться никак не мог. Наверняка его кончина или естественного порядка, или… или к этому причастен кто-то из его близких.

Как далее поведали коллекционеры, в их среде излишняя демонстративность не приветствуется. Впрочем, излишняя закрытость тоже не в фаворе – она воспринимается как признак ярого жлобства. То есть в этом смысле Платон Зубильский из общей массы своих коллег заметно выделялся.

А еще, по их словам, у него, в отличие от многих других, имелось какое-то особое, почти инстинктивное чутье на подлинные редкости и ценности. Кроме того, он каким-то неведомым образом всегда точно знал, где, что и почем, однако держал эту информацию строго при себе, ни с кем ею не делился. Более того, даже если на его глазах кто-то из новичков делал напрасную покупку, он никогда и ни при каких обстоятельствах не пытался предостеречь от пустой траты. За это его некоторые очень даже недолюбливали.

Особую неприязнь к нему питал некий Виталий Аринин, молодой коллекционер, специализировавшийся на редких образцах холодного оружия. Однажды в присутствии Зубильского ему «втюхали» новодел кинжала под видом старинного подлинника. Платон, заведомо зная, что Виталия «разводят, как лоха педального», об этом даже не намекнул. Когда Аринину стало известно, что его «раритет» сработан в современной сувенирной мастерской, специализирующейся на подделках, он в сердцах пообещал всю свою коллекцию «апробировать» на излишне черством коллеге.

– Но только вы ничего такого не подумайте! Виталий к смерти Платона Модестовича абсолютно непричастен! – спохватившись, поспешил заверить Штыров.

– Я и не думаю, – заверил его Гуров. – Но телефончик у вас все же попрошу. Вдруг не только он один питает к усопшему такие вовсе не позитивные чувства?

В этот момент к ним подошла Тамара Серафимовна с листом бумаги в руке.

– Вот, изобразила, как смогла… – смущаясь, сказала она.

Взглянув на ее рисунок, Лев удовлетворенно кивнул – неизвестного старший менеджер изобразила вполне сносно. Чувствовалось, что она не напрасно получала первые места на школьных конкурсах. И здесь, в карандашных штрихах, Гуров вдруг обнаружил нечто узнаваемое. «Блин! – внутренне удивился он. – Уж не Рефодина ли он напоминает?!»

– А нам можно взглянуть? – попросил Роберт Степанов.

Повертев рисунок, оба коллекционера неожиданно сообщили, что этого человека они определенно где-то уже видели.

– Мне кажется, этого типа я мог видеть в антикварном магазине «Раритет-Ворлд», на Тихоновской, – кстати, Платон там тоже не так уж редко делал свои покупки.

– И вот еще… Здесь несколько номеров телефонов, которые вам могут пригодиться. – Развернув рисунок обратной стороной, Тамара Серафимовна показала выписанные в столбик мелким, почти бисерным почерком номера сотовых.

Добавив в этот список номера Степанова и Штырова (заодно не забыв и про номер самой Тамары Серафимовны), Гуров всем им раздал по визитке, заручившись обещанием немедленно позвонить ему, если вдруг будет замечен неизвестный, изображенный на рисунке. Напоследок, уже собираясь уходить, он спросил про изваяние Будды, хранящееся у Зубильского, – не здесь ли оно было приобретено? Старший менеджер, недоуменно пожимая плечами, пояснила, что подобный раритет ей совершенно не знаком и в «Тиара-голд» на торги никогда не выставлялся.

Глава 4

Когда Лев вышел на улицу, времени до обеда оставалось еще не менее полутора часов. Но тем не менее он уже ощущал, что неплохо бы малость подкрепиться. Ну, хотя бы чашкой кофе со сдобной булочкой. Оглядевшись, Гуров увидел на другой стороне улицы, наискосок от себя, небольшое кафе, встроенное в угол жилой многоэтажки. Скорее всего, какой-то предприниматель выкупил обычную квартиру, переоформил ее в производственный объект, и теперь там мини-кафешка на достаточно бойком месте, приносящая своему создателю пусть и не запредельный, но вполне стабильный доход.

Получив на раздаче кофе и булочку, Лев расположился за столиком в углу, озирая интерьер этого, в принципе, вполне уютного заведения. Посетителей было немного – человек восемь, преимущественно студенческого возраста. Кто-то скрашивал свой поздний завтрак (или ранний обед?) беседой с приятелем, кто-то пролистывал конспекты… Неожиданно с грубым стуком дверь заведения резко распахнулась, и на порог ступил крупный детина с квадратным лицом и в черной майке, обтягивающей его мощные плечи. На груди «квадратного» был изображен какой-то зверь из семейства кошачьих с надписью на английском: «I'm a predator» («Я хищник»). Следом за ним вошел еще один, тоже в черной майке, с надписью на русском «Ну, че, познакомимся?». Этот был не столь широким, как его приятель, но ростом повыше, с жилистыми, крепкими руками.

«С понтами» заказав девушке на раздаче «че-нить пожрать», «хищник» взял поднос с тарелками и, подойдя к столику у окна, за которым мирно беседовали двое типичных «ботаников», пренебрежительно процедил:

– Ну-ка, шкеты, брызнули отсюда!

– Извините, но здесь полно свободных мест! – растерянно возмутился один из парней.

– Ты че, тупой? – вступил в разговор приятель «хищника». – Живо смылись оба! А ты чего вылупился? – зло проскрипел он, в упор глядя на Гурова.

– Да интересно посмотреть на дешевых зазнаек, – негромко обронил Лев, не скрывая иронии. – Вы так классно выеживаетесь, так круто рисуетесь… Наверное, еще ни разу не получали хороших «кренделей»?

На какое-то мгновение оба бузотера словно потеряли дар речи.

– Ты че, борзой, что ль, в натуре? – Выпучив глаза, «квадратный» поставил свой поднос на свободный столик и, набычившись, двинулся в сторону Гурова. – Тебе че, хлебало, что ль, набок своротить? Учти, фраерок, я чемпион Москвы по боям без правил. Понял?

– Чемпион по боям – это хорошо! – усмехнулся Лев, все так же невозмутимо отпивая кофе. – Смотри, как бы тебе не пришлось стать еще и чемпионом по бегу… Могу поспособствовать.

Задыхаясь от ярости, «хищник» сжал кулаки, однако его остановил приятель, который, как видно, вовремя понял, что им не резон устраивать потасовку на глазах десятка свидетелей:

– Сом, спокуха! Дай гражданину допить его кофэ. Мы тоже сейчас кофейку выпьем и выйдем с ним побеседовать. Он же не убежит от нас через черный ход? – с ехидцей уточнил он.

Не удостоив даже взглядом заносчивого бахвала, Лев спокойно парировал:

– Смотри, сам не дай деру!

Его невозмутимость и уверенность, судя по всему, на отморозков произвели не совсем благоприятное впечатление. Они вдруг почувствовали, что в лице этого «фраерка» их зарвавшийся «дуэт» наткнулся на некую непреодолимую преграду, которую с наскока не возьмешь. Если только подобное вообще возможно…

Допив кофе, без намека на рисовку или какое-либо волнение, Гуров поднялся из-за столика и, небрежным жестом указав на дверь, лаконично уведомил:

– На выход!

Не оглядываясь, он вышел из кафе. Парни, уже без прежней самоуверенности, переглянулись и как-то даже неохотно повлеклись следом. Выйдя на крыльцо, они увидели незнакомца, стоящего напротив них на тротуаре. Он смотрел на них в упор, и хотя в его взгляде не было ни злобы, ни жажды порвать их в клочья, им внезапно стало как-то не по себе.

Теперь «крутяки» вдруг в самой полной мере ощутили, что этот человек способен на многое. На уровне какого-то глубинного инстинкта до них дошло, что это вовсе не какой-то там «лох педальный», а неуступчивый, жесткий мужик с твердым характером, который, скорее всего, имеет профессиональную подготовку по силовым единоборствам.

Ноги обоих наглецов в один момент словно одеревенели и приросли к крыльцу. Недавнего куража и самоуверенности у них и следа не осталось. Теперь каждый желал только одного – как бы сделать так, чтобы, не вступая в заведомо проигрышную схватку и при этом «не потеряв лица», выйти миром из более чем щекотливой ситуации. Причем самое досадное для бузотеров было то, что они яснее ясного сознавали: незнакомец видит их насквозь. И их страх, и их растерянность, и их внутреннюю панику…

Шли мгновения – одно, другое, пятое, десятое… По всем канонам жанра уличных стычек, эти двое уже должны были бы ринуться на бросившего им вызов, чтобы «поставить» себя – и в своих собственных глазах, и в глазах окружающих.

Прошло еще несколько мгновений. Все! Схватка должна быть уже закончена с конкретным и убедительным итогом: незнакомец, избитый и смятый, остается лежать на тротуаре, а победители, торжествуя, с триумфом возвращаются в кафе.

Но это в теории. А в реальности… В реальности предгрозовая пауза затянулась до неприличия, и всякому стороннему наблюдателю уже пора было бы, презрительно хмыкнув в сторону обоих «крутяков», бросить уничтожающее: «Что, бакланы, слаба пружинка?»

Глядя на чужака, в глазах которого промелькнули искорки убийственной иронии, хотя он стоял молча, с абсолютно серьезным лицом, «хищник» неожиданно нашелся.

– Да ладно, пусть живет! Че-то мне его жалко стало, – махнув рукой, объявил он с каким-то фальшивым великодушием.

– Ну да, в натуре… Мы ж не звери… – поспешил согласиться второй, и «крутяки», продолжая рассуждения в том же духе, быстренько скрылись за дверью кафе.

Сдерживая смех, Лев зашагал к машине. Собственно говоря, такого финала он и ожидал – победить, даже не вступая в схватку, в полном соответствии с главным каноном восточных единоборств. И это ему блестяще удалось. Да, он не помял им ребра, не высадил зубы, не вывернул суставы рук и ног. И при этом, не шевельнув даже пальцем, не сказав ни единого слова, деформировал гипертрофированное самомнение этих двух балбесов, которые до сегодняшней поры, скорее всего, мнили себя неустрашимыми и непобедимыми. Разумеется, позитивистами они едва ли станут, но пережитый ими внутренний испуг, ощущение беспомощности перед лицом чужой несгибаемой силы и воли наверняка станут хорошим предохранителем от опрометчивых шагов, если вдруг возникнет желание кому-то сделать гадость.

Сев в кабину «Пежо», Гуров достал телефон и набрал номер заместителя начальника информотдела капитана Жаворонкова. Перед выездом в «Тиару-голд» он поручил ему связаться с областными гаишниками и взять у них данные по ДТП, участником которого был Зубильский. Услышав в трубке бодрое: «Слушаю, товарищ полковник!..», Лев поинтересовался:

– Валера, что там по ДТП с Зубильским?

– Все уже нашел, – с готовностью откликнулся тот. – Значит, ДТП произошло в июне, пятого числа, на шоссе между населенными пунктами Тютянино и Бобровка. На место проис-

шествия выезжал экипаж ГАИ Петровского РОВД, который установил, что виновником столкновения автомобилей был владелец «Мазды» Платон Зубильский. Он грубо нарушил правила пересечения перекрестков, из-за чего в него врезался «Опель», принадлежащий жителю райцентра Петрово Казарову Дмитрию.

– Давай адрес этого Казарова, – распорядился Гуров. – И, кстати, кто там был старшим экипажа, который осматривал место происшествия?

– Значит, адрес Казарова – улица Воскресенская, тридцать один. Старшим экипажа был лейтенант Воловцев. Что еще… Продолжаю искать информацию по Платону Зубильскому. Кстати, Лев Иванович, Платонов Зубильских в Интернете я нашел сразу пятерых. Но по тому Зубильскому, что нужен вам, информации мизер, хотя шишкой он был немаленькой.

Поблагодарив Жаворонкова за выполненное поручение, Лев запустил двигатель и направился в сторону Тихоновской. Услышав пиликанье сотового и по мелодии определив, что звонит Орлов, он нажал на кнопку включения связи. В трубке тут же раздался знакомый басок:

– Лева, слушай, а что за поручение ты дал Дроздову? Тут его, понимаешь, хватились – надо срочно провести осмотр и экспертизу одного вип-усопшего. Дело крайне спешное. А Дроздов, как мне сейчас доложили, уехал куда-то на окраину, проводить судмедэкспертизу тела какого-то непонятного гражданина. Я так понял, это имеет какое-то отношение к расследованию по Зубильскому?

Не вдаваясь в подробности, Гуров пояснил, что напрямую к сегодняшней теме проводимого им расследования это отношения вроде бы не имеет тем не менее интуиция ему подсказывает, что было бы нелишним изучить и этот более чем странный случай. В данный момент расследованием смерти Рефодина занимаются опера одного из столичных райотделов, однако что-то подсказывает, что за этим происшествием кроется нечто чрезвычайно серьезное, и поэтому не исключено, не сегодня завтра могут вскрыться такие обстоятельства, которые заставят подключать к расследованию и оперативный аппарат главка.

– Знаешь, Петро, я как тот гоголевский Осип из «Ревизора», который каждую веревочку берег – мало ли чего? Не могу сказать уверенно, что это именно наш случай, но… От него грешно было бы отмахнуться, и вот почему. Зубильский умер вчера вечером, умер скоропостижно, причем по непонятным пока причинам. Так? Рефодин умер через четырнадцать-шестнадцать часов, и тоже скоропостижно, по непонятным причинам. Можешь считать меня суеверным, но я вижу в этом некий знак свыше.

После некоторого молчания Орлов, откашлявшись, издал сдержанное «Х-м-м…» и наконец согласился:

– Ладно… Раз считаешь, что этот случай хоть каким-то боком может коснуться расследования по Зубильскому, значит, так и решим. Что там у тебя на этот час?

Выслушав лаконичный отчет Льва о его визите в «Тиару-голд», генерал одобрил этот этап расследования, но заодно напомнил и об отведенных им весьма сжатых сроках.

– Вас со Стасом двое. А это что значит? Значит, работа должна быть выполнена вдвое быстрее, – особо подчеркнул он.

– Петро, логика у тебя железная, но она больше подошла бы какому-нибудь прорабу. – Гуров говорил как бы нейтральным тоном, но в его голосе все равно чувствовался оттенок иронии. – Это только на стройке два землекопа за день способны выкопать яму вдвое больше, чем один. А в нашей работе многое зависит не только от наших личных усилий, но и от элементарного везения. Так что не жми на газ – мы со Стасом и так постоянно на форсаже.

Издав недовольно-кряхтящее «М-м-х-х!», Орлов скороговоркой пожелал удачи, и в трубке тут же раздались короткие гудки. Лев понимал состояние своего приятеля-начальника, которого, как видно, с самого утра донимали вышестоящие советчики-проверяльщики, но и он сам был далек от того, чтобы испытывать удовольствие, получая всевозможные ЦУ, в которых совершенно не нуждался.

Гуров с полчаса петлял по уже запруженным обеденными пробками улицам, пока наконец-то не вырулил на проспект с обилием зелени и домов еще старой постройки. «Раритет-Ворлд» занимал половину второго этажа четырехэтажного офисного здания, перед которым теснилось более двух десятков авто. Чтобы найти место для своего «француза», Льву пришлось проехать почти квартал, пока не обнаружился промежуток в плотном ряду машин самых разных марок.

Прогулявшись по тротуару в тени тополей в обратном направлении, он вошел в просторный вестибюль офисного здания. Миновав охранника, который, сидя в стороне от входа, лишь лениво покосился в его сторону, он поднялся на второй этаж и сразу же увидел дверь антикварного магазина, о чем извещала вывеска, изгибающаяся над входом.

Когда Лев взялся за старинную медную ручку, отполированную прикосновениями множества рук визитеров, дверь неожиданно открылась, и ему навстречу вышла пожилая чета, которая что-то тихо обсуждала. Мужчина нес в руках большую картонную коробку, вероятнее всего с покупкой, а его спутница, качая головой, сокрушалась по поводу «сумасшедшей цены».

Войдя внутрь, Гуров сразу же отметил, что этот торговый объект раза в два меньше «Тиары-голд». Да и с ассортиментом товаров здесь было явно беднее. Трое посетителей, рассеянно рассматривавших витрины, как можно было догадаться, толкались в магазине уже давно, хотя и без особого настроения что-то приобрести.

Продавец, с трудом сдерживавший зевоту, сразу же оживился, обернувшись в сторону нового визитера. Подойдя к нему, Лев достал фото Зубильского и, показав свое удостоверение, вполголоса спросил, знаком ли ему человек на снимке. Несколько разочарованный продавец (и этот тоже не за покупками!), повертев фотографию, коротко кивнул:

– Это господин Зубильский, он тут у нас бывает довольно часто. А почему он вдруг заинтересовал полицию?

Гуров все так же вполголоса пояснил, что означенный клиент магазина имел несчастье преставиться, поэтому есть необходимость уточнить, с кем в здешних коллекционерских кругах у Зубильского случались трения и конфликты. Немного подумав, его собеседник, назвавшийся Романом, заверил, что Зубильский, насколько ему известно, человеком был совершенно бесконфликтным. Во всяком случае, в стенах магазина каких-либо трений с другими посетителями не отмечалось ни разу.

В выполненном Тамарой Серафимовной «затылочном» портрете неизвестного продавец хоть и с большим трудом, но опознал странного типа, который месяц назад несколько раз заходил в их заведение. Где-то около часа он околачивался подле витрин, рассматривая антикварные предметы, а потом уходил, так ничего и не купив. Запомнился этот тип тем, что всякий раз появлялся в другом костюме, как видно надеясь на то, что благодаря этому окажется неузнанным и его не запомнят. Он даже не подозревал, насколько глупой и бесполезной оказалась его уловка.

Подтвердил Роман и факт покупки Зубильским в «Раритет – Ворлде» немалого числа различных уникальных вещей, в числе которых наиболее примечательным выглядело изваяние Будды.

– Вы знаете, у нас самих эта скульптура вызывала немалый интерес, – пояснил он, рассказывая о приобретениях Платона Зубильского за последние три года.

По словам Романа, лет пять назад изваяние на комиссию принес родственник бывшего посла в странах Юго-Восточной Азии, работавший там еще во времена СССР. Оценщики сразу же обратили внимание на то необычное обстоятельство, что отлито оно было не в соответствии с классическими канонами. Около года эта скульптура находилась в общей экспозиции, но покупателя на нее не нашлось. Из-за этого ее на несколько лет убрали в запасник, а в прошлом году выставили снова.

Зубильский, едва увидев скульптуру, сразу же изъявил желание ее приобрести. И хотя цена была назначена довольно высокая – свыше двухсот тысяч, он купил, не торгуясь. В числе покупок, сделанных Платоном, была уникальная коллекция курительных трубок, когда-то принадлежавшая графу Криницкому, а затем заму наркома промышленности Стокману. Здесь же приобрел он и коллекцию фарфора князей Поляновых, именной кинжал генерала Анисимова, участника Кавказской войны…

По мнению Романа, кончина Зубильского для их магазина – большая потеря, поскольку Платон был одним из тех, кто знал толк в подлинных ценностях и был готов платить за них немалые деньги. На вопрос Льва о наличии камер видеонаблюдения в торговом зале, продавец пояснил, что камера у них есть, но всего одна. К тому же запись с нее ведется на уже давно выработавший все свои сроки видеомагнитофон. Причем архивы хранятся не более недели.

– Мы не из процветающих, – с сожалением вздохнул он. – На новое оборудование хронически нет средств. Перед входом в здание камера работает, но по поводу ее архивов надо обратиться к старшему менеджеру комплекса. Ну, или проще, коменданту здания. Его кабинет на первом этаже.

Оставив Роману свою визитку, Лев направился к выходу. Какого-либо удовлетворения по итогам сегодняшних встреч он не испытывал, так как дали они не слишком много. Да и следовало ли ожидать большего? Любая коллекционерская среда в информационном смысле, как правило, не слишком открыта и очень редко готова делиться своими секретами.

И тем не менее… Что уж сетовать на судьбу? Во-первых, удалось установить неплохие контакты с некоторыми коллекционерами и сотрудниками магазинов. А это уже существенный плюс. Во-вторых, хоть и не в полной мере, но удалось обозначить подходы к человеку, с которым у Зубильского совсем недавно состоялся весьма непростой диалог. К тому же визави Платона мог попасть под объективы камер видеонаблюдения, что дает шанс его идентифицировать и выяснить истинную роль в происшедшем.

…Старший менеджер здания оказался у себя. Крупный солидный мужчина предпенсионного возраста, придирчиво изучив удостоверение Гурова, начал созваниваться со своим начальством. Как видно, получив «добро», он взял у Гурова флешку и, озадаченно повертев ее в руках, растерянно замер. Скорее всего, он вообще не представлял, что с ней делать и куда ее вставлять. Догадавшись, что тот в компьютерной грамоте не силен, Лев забрал у коменданта флешку, подключив ее к системному блоку, быстро и уверенно нашел в меню на экране монитора архив камер видеонаблюдения и, взглянув на часы, произнес:

– Ну, все, процесс пошел. Правда, придется немного подождать…

– Как здорово это у вас получается! – восхитился комендант. – А я, блин, сколько ни мылюсь, все никак такую хрень не освою…

Когда процесс перекачки информации был завершен и Лев, вынув флешку, собрался уходить, хозяин кабинета, неожиданно хлопнув себя по лбу, схватил со стола лист бумаги и авторучку.

– Лев Иванович, – просительно заговорил он, – не в службу, а в дружбу! Распишите мне, пожалуйста, куда и как тут нажимать, чтобы открыть архивы. А то иногда надо просмотреть записи, а я, как говорится, ни в зуб ногой… Того гляди, с работы попрут за техническую безграмотность. Пробовал воспользоваться справочниками, но там сам черт ногу сломит… А спрашивать боюсь. Понимаете, когда я сюда устраивался, то написал в анкете, будто являюсь уверенным пользователем ПК. Хотя, на самом деле, скажу честно, – самый что ни на есть «чайник». Поможете?

Еще раз взглянув на часы, Гуров согласно махнул рукой – ладно уж, помогу! Он детально продиктовал коменданту последовательность необходимых операций, дважды показал все это на практике, после чего поспешил к машине – время приближалось к двум, а ему еще предстояло ехать в подмосковный райцентр Петрово. Когда он уже трогался с парковочного места,

запиликал его телефон, выдавая мелодию детской песенки: «Если с другом вышел в путь…» Это был Стас. Бодро и жизнерадостно похохатывая, он поинтересовался:

– Как там у тебя? – и тут же, не дожидаясь ответа, поспешил сообщить: – Нашел-таки я загородное логово этого отставного «серого кардинала»! Да! И знаешь где оно таилось? О-о-о! Не в Тютянине, а в Бобровке. Такие вот дела!

– А ты где сейчас? – спросил Лев, на малом газу неспешно двигаясь по Тихоновской.

– Уже пересекаю МКАД… А ты куда рулишь?

– Направляюсь в Петрово. Валера Жаворонков дал информацию о ДТП с участием Зубильского, хочу познакомиться с потерпевшим, неким Казаровым.

– Ё-п-р-с-т! Лева! – В голосе Станислава прозвучал укор. – Что ж сразу-то мне не позвонил? Я же все равно там околачивался, мог бы и с этим вопросом разобраться. А теперь тебе придется тащиться в эту тмутаракань.

– Да ничего страшного! – Лев не мог не рассмеяться над извечной жаждой Стаса объять необъятное. – Во-первых, мне тоже полезно взглянуть на Петровский район. К тому же я не на палочке верхом, а на колесах. Да и ехать туда сколько? От силы – полчаса, не больше. Управлюсь… Сам-то куда сейчас направляешься?

– Да-а… – отчего-то замялся Крячко. – Так-то еду к нашим коллегам, на Пармскую. Ну, по вопросу розыска панельных подружек Зубильского. А по пути придется заехать к уже известной нам обоим Эмилии Слюдянцевой. Я с ней созванивался, когда еще мотался по Тютянину и Бобровке.

– Я смотрю, у тебя с Эмилией сложились хорошие рабочие контакты, – одобрительно заметил Гуров.

– Ну-у… Как бы да, сложились… Я пообещал ей привезти снимок виллы и точные ее координаты – завтра Эмилия хочет выехать туда с адвокатом, чтобы начать процесс оформления этого дома в собственность. Ну, чтобы тот дружок Платона не успел его продать – у него же на руках бумаги на право владения. Такие, понимаешь, дела. А еще она пообещала отдать мне какие-то бумаги Зубильского, которые случайно нашла заложенными в старой книге.

– Ну, так это вообще здорово… – согласился Лев и тут же добавил: – Стас, не пойми меня превратно, хотя можешь заподозрить приступ надзирательской паранойи, но… Что-то эта дама в определенных отношениях у меня особого доверия не вызывает. Уж очень бойкая. Думаю, ты догадываешься, что я имею в виду. Поэтому ты уж там смотри, не слишком разлимонивайся. Ну, чтобы рабочие контакты не переросли в какие-то иные.

Станислав в ответ саркастически рассмеялся:

– Лева, о чем ты?! Ей пятьдесят с гаком, она не в моем вкусе уже по этому параметру. Нет, дружище, на этой «мине» я гарантированно не подорвусь.

– Надеюсь… – выключая связь, пробормотал Гуров.

Вырулив на широкий проспект, он покатил в сторону МКАДа. Когда столичные пригороды остались позади, Лев прибавил газу и ближе часам к трем увидел перед собой райцентр Петрово – зеленый городок, богатый как громадинами девятиэтажек, так и одноэтажными массивами.

Остановившись у здания местного отделения ГИБДД, он попросил дежурного срочно разыскать лейтенанта Воловцева. Тот оказался неподалеку, и вскоре Гуров увидел выходящего из машины с мигалками молодого мужчину лет двадцати семи, с рыжеватыми завитушками волос под фуражкой. Узнав, по какому вопросу прибыл представитель главка угрозыска, лейтенант подтвердил, что июньское ДТП на перекрестке у Тютянина он помнит хорошо. Они прошли в кабинет инспекторов, где разговор был продолжен.

По словам Воловцева, на происшествие их экипаж выехал около семнадцати часов. Отправились они в сторону Бобровки, где, согласно информации, полученной по телефону,

их ждали его участники. Однако на месте выяснилось, что само ДТП произошло совсем в другом месте.

В ходе разбирательства участники происшествия пояснили, что владелец «Мазды» Платон Зубильский, с которым в машине ехали две молодые пассажирки, на чрезмерно высокой скорости следовал по второстепенной дороге через перекресток с федеральной трассой. По непонятным причинам он не уступил дорогу двигавшемуся по «федералке» «Опелю» Дмитрия Казарова, который задел его своим автомобилем за край багажника. И хотя удар был весьма крепким, из-за чего обе машины развернуло градусов на девяносто, а повреждения оказались очень даже существенными, «Мазда» немедленно вырулила на первоначальное направление, прибавила газу и попыталась скрыться. Однако Казаров, возмущенный подобным безобразием, догнал виновника аварии и вынудил его остановиться.

Первоначально у потерпевшего было желание как следует «вразумить» лихача, однако Зубильский сумел смягчить остроту конфликта, и до рукоприкладства не дошло. Так что к моменту прибытия экипажа ГИБДД и представителей страховых компаний обе стороны были настроены на диалог в рамках закона.

Виновник аварии объяснил свои действия тем, что его от самой Москвы преследовал какой-то автомобиль, в котором могли быть бандиты, занимающиеся вымогательством, поэтому он и ринулся очертя голову через перекресток. После столкновения с «Опелем», заверил Зубильский, он удирал не из-за того, что хотел скрыться от ответственности за происшедшее, а исключительно из опасения, что преследователи теперь смогут его догнать и захватить в качестве заложника, чтобы потребовать выкуп. Спутницы Зубильского полностью подтвердили его показания.

– А эти спутницы хозяина «Мазды», они как свидетели в протоколе фигурируют? – выслушав лейтенанта, поинтересовался Гуров.

– Разумеется! – с готовностью кивнул Воловцев, доставая папку с бумагами. – Вам найти их данные?

– Да, по ним нужен максимум информации… – подтвердил Лев, пролистывая «досье» по июньскому ДТП. – Отксерьте-ка мне все эти бумаги и… Расскажите вот о чем. Эти две особы – себя они как представили? Как знакомые Зубильского, как его родственницы или как просто попутчицы?

Почесав кончик уха, лейтенант иронично усмехнулся:

– Как случайные попутчицы. Но… Кто бы и кому вешал на уши лапшу? Там яснее ясного было, что это девицы с панели, которых «снял» себе этот дедушка. Мы потом уже, когда ехали назад, все смеялись – во, у мужика здоровье, раз сразу на двоих замахнулся.

– А что можете сказать о Казарове? Он же здешний, петровский… Вы с ним не знакомы?

Воловцев ответил, что в Петрове этот человек известен достаточно широко. Лет восемь назад его осудили за незаконное хранение огнестрельного оружия и нанесение тяжких телесных повреждений. Казаров был владельцем небольшой швейной мастерской, человеком считался вполне благополучным. Но однажды (вот ведь судьба!) на том же самом месте и при тех же обстоятельствах, что в последний раз, он попал в ДТП с участием какого-то новичка, который, как и Зубильский, выскочив со второстепенной дороги, подставил ему свою «шестерку».

Но если в случае с Зубильским все обошлось достаточно цивильно, в ходе того давнего ДТП Казаров явил себя с весьма нехорошей стороны. Избив виновника аварии, он в довершение этого прострелил парню ногу из газового пистолета, переделанного под боевой патрон. За незаконное хранение оружия и стрельбу на суде ему дали пять лет строгого режима. И это только благодаря тому, что его защищал хороший адвокат. Виновник оказался дальним родственником известного журналиста, который «засветил» этот случай в СМИ и Интернете. К тому же парень навсегда остался инвалидом – пуля пробила ему коленный сустав. Шум под-

нялся громкий, речь шла уже о десяти годах заключения, но усилиями адвоката этот срок удалось сократить вдвое.

– За время отсидки от него ушла жена, бизнес она продала еще раньше, чтобы оплатить услуги адвокатов и на выплату компенсаций потерпевшему. Сейчас Казаров вроде бы организовал бригаду, которая в Москве занимается ремонтом квартир. Мужики пашут, а он, так сказать, руководит процессом. Вот как бы и все, что я знаю… – пожал плечами лейтенант.

Поблагодарив за информацию и уточнив, как найти улицу Воскресенскую, Лев вновь покатил по улицам города Петрово. Минут через десять он оказался в микрорайоне, какие в современной России очень часто получают ироничные прозвища среди местного населения, что-то наподобие «воруй-города» или «пристанища нищих». В отличие от прочих городских массивов – и многоэтажных, и одноэтажного частного сектора, – здесь преобладали виллы и виллочки разной архитектуры и этажности, от одного до трех, с башенками и мансардами, с флюгерами, наподобие прибалтийских, и балконами, наподобие венецианских или неаполитанских.

Дом Казарова был не из самых выдающихся, но и не из самых скромных. Двухэтажное строение, возведенное неплохими мастерами из гладкого, как зеркало, облицовочного кирпича, смотрелось строго и торжественно. Усадьбу соток на шесть окружала кирпичная изгородь, выполненная фигурной кладкой.

Выйдя из машины, Гуров подошел к калитке, за которой раздался истошный лай сторожевой собаки, и нажал на кнопку звонка. Минуты через три из-за ворот донесся стук двери, послышались чьи-то шаги, и к нему вышел крупный молодой мужик лет тридцати, с модной щетиной недельной давности на щеках, в спортивной майке и шортах. Окинув незваного гостя недовольным взглядом, хозяин дома неприязненно пробурчал:

– Вам кого?

Показав удостоверение, Лев попросил его рассказать о ДТП у Тютянина. Они сели на лавочку у ворот, и Казаров, задымив сигаретой, рассказал примерно то же самое, что было изложено в протоколе.

– Вы с Зубильским после этого больше не встречались? – поинтересовался Гуров.

– А на кой он мне сдался, этот старый маразматик? – пренебрежительно фыркнул тот, выпустив кольцо дыма. – Вопросы с выплатами мы утрясли, больше встречаться никакой нужды не было.

– А кто же тогда приходил к Зубильскому, с требованием доплаты за аварию? На этот счет есть свидетельские показания, – с сомнением покачал головой Лев.

Как видно, это обстоятельство Казарова несколько озадачило. Пробормотав про себя что-то наподобие «Так их в душу, раздолбаев деланых!», он неохотно согласился:

– Ну, было, было один раз. Кстати, сам я к нему не подходил, с ним общался мой адвокат и… двое моих друзей. Речь шла вот о чем. Мне по автогражданке ущерб насчитали вдвое меньше, чем взяли за ремонт. Когда я в него вхерачился, у меня не только морду помяло, но и весь кузов повело. А это совсем другие расходы. Это уже полная разборка, со снятием всех частей и агрегатов, вытягивание кузова, подгонка дверей, полная перекраска машины… Вот так-то! А этот хмырь начал гоношиться, типа я тут ни при чем, что положено, по автогражданке ты получил.

– И вы решили его «попрессовать»… – Гуров говорил спокойно, без эмоций, но в этом спокойствии таилась скрытая угроза.

– Только вот этого не надо! – возмущенно помахал рукой Казаров. – Никакой «прессовки» не было и не намечалось! Зубильскому показали заключение эксперта, где черным по белому было указано, что деформация кузова – следствие происшедшего ДТП, и расписаны реальные затраты на ремонт. Мои представители ему не угрожали, а просто объяснили, что, если он не согласится доплатить до требуемой суммы, мы подаем иск, и тогда ему придется

вносить не только требуемую доплату, но и раскошелиться на моральный ущерб и судебные издержки. В частности, услуги моего адвоката, которые стоят очень дорого. Вот, собственно, и все. Ответчик без всякого принуждения с этими доводами согласился, уже на следующий день перечислил СТО требуемую сумму, и инцидент был исчерпан. Только теперь, я так понимаю, он решил взять реванш и подпряг угрозыск? Ничего у него не выйдет, так ему и передайте!

Измерив его изучающим взглядом, Гуров сдержанно парировал:

– Боюсь, сделать это будет весьма непросто. Там, где он сейчас находится, не нужны ни машины, ни деньги, ни женщины… Там вообще ничего не нужно.

Казаров недоуменно захлопал глазами и, приглушив голос, осторожно поинтересовался:

– А он что? Того, что ль? Ну, помер то есть?

– Вот именно… – кивнул Лев. – То ли помер, то ли кто-то помог.

Теперь его собеседник молчал довольно долго. Наконец, проведя по лицу ладонью, издал «пффф…» и категорично объявил:

– К его смерти никакого отношения не имею. Да, врать не буду, в тот момент, когда его догнал и остановил, готов был порвать, как тузик грелку. Но даже там вовремя смог взять себя в руки и… решить наши проблемы законным путем. Про мой срок вы, скорее всего, уже знаете. В курсе? Вот так. Урок мне был дан жестокий, и его я уяснил отлично. Если еще есть вопросы, задавайте – я отвечу. А вот пришить мне дело не удастся…

– Секунду! – Гуров взмахом руки решительно прервал его «спич». – Никто никому дела не шьет. А вот информация нужна. Вы не помните, что за попутчицы были с Зубильским? Какова была их реакция на случившееся?

Пожав плечами, Казаров изобразил гримасу язвительного пренебрежения. По его словам, он сначала принял девиц за внучек Зубильского, но потом сообразил, что это проститутки, которых тот вез в свой загородный дом. Спутницы хозяина «Мазды» себя там никак не являли. Они молча стояли подле его машины и лишь время от времени о чем-то тихо переговаривались. Прохаживаясь невдалеке, Казаров услышал, как одна из них сказала вполголоса:

– Вечно этот Платошка куда-нибудь да вляпается.

Вторая, вопросительно взглянув на свою напарницу, так же вполголоса уточнила:

– Ты имеешь в виду тот случай, когда за ним погнался лысый пузан? Или когда двое пацанов чуть не отхерачили его на Ярославке? Ну, когда он пытался «снять» какую-то студенточку, думая, что она из наших?

Первая, язвительно хохотнув, хлопнула себя по бедру ладонью:

– Да ты что? Было и такое? Ну, старый пердун! И как же он выкрутился?

– Извинился, дал им по сто баксов.

– И они взяли? – Девица презрительно скривила губы. – Нет, подруга, перевелись настоящие мужики. Одна шелупонь дешевая осталась!

Завершая свое повествование, Казаров особо подчеркнул:

– Я так понял, этот Зубильский брал девок с одной только «точки». Видимо, где-то невдалеке от своего дома. Так что, если вам надо их разыскать, ищите, скорее всего, в его квартале.

Закончив разговор с Казаровым, Лев немедленно созвонился со Стасом. Тот отчего-то долго не откликался, но наконец-то Гуров услышал хорошо знакомое:

– У аппарата! Да, Лева, слушаю…

Эта заминка, да еще пусть и едва уловимый, но весьма характерный шорох впопыхах натягиваемой одежды говорили о слишком многом. Теперь уже Гуров, помолчав некоторое время, сдержанно, даже несколько суховато, сообщил:

– Запиши имена девиц, с которыми Зубильский имел обыкновение развлекаться. Значит, это Стукинец Римма и Рычалова София. Прописаны в доме тридцать три, квартира девять, по улице Посольской. Их «точка», предположительно, в том же микрорайоне, где он проживал.

Если удастся найти, уточни у них, что это за лысый пузан, с которым у Зубильского произошел конфликт. Ну, все, пока!

Нажав кнопку отбоя, Лев сокрушенно покрутил головой – ну, надо же, этот бабофил хренов уже и здесь ухитрился оскоромиться. Хотя есть что сказать и в адрес «безутешной» Эмилии. Ну, ешкин кот! Не баба – черт в юбке. Ладно, дело их… И Стас уже не ребенок, и она не детсадовских лет. Куда теперь? Только в «контору» – куда же еще?..

И снова под колеса «Пежо» полетели километры шоссе, унося Гурова в сторону Москвы. Осмысливая услышанное и от антикваров, и в Петрово, Лев пытался выстроить хоть какую-то приблизительную версию того, что могло приключиться с усопшим коллекционером антиквариата.

Итак, начать с того, что Зубильский был человеком вовсе не праведного образа жизни, соответствующего и общепринятым житейским нормам, и библейским заповедям. Особенно в части заповеди «не прелюбодействуй». Нет, что ни говори, а дедок и впрямь был и излишне шустрый, и чрезмерно озабоченный. Ему, блин, уже под семьдесят подперло, а он «снимал» себе молоденьких девиц с панели. Не в этом ли причина приключившейся с ним «кондрашки», в итоге которой он «дал дуба»? Правда, еще нужно уточнить, насколько часто он предавался подобным утехам.

Конечно, версия о кончине Зубильского из-за допускавшихся им секс-излишеств и на первый взгляд очень даже дохленькая… Но и отвергать ее с ходу было бы неправильным. Говорят же медики, что для людей преклонного возраста такое вот чрезмерное увлечение молодыми женщинами – прямая дорога к инфарктам и инсультам. Так почему бы не предположить, что и их «подопечный» стал жертвой своих интимных пристрастий? Теоретически это вполне реально. Однако тут опять следует учесть одно «но»! Умер-то Зубильский не в момент свидания с некоей красоткой, а у себя дома, находясь в полном одиночестве. Отсюда вопрос: а такое возможно, чтобы смерть пришла пусть и по этой пикантной причине, но с некоторым опозданием? Тут наверняка есть резон пообщаться с каким-нибудь дельным сексологом, чтобы уточнить все эти нюансы.

И, все же… В любом случае последнее слово останется за Дроздовым. Скажем, если им будет установлено, что старик отправился в министерские элитные райские кущи от действия яда, то про все остальное сразу же можно забыть. Тогда придется прорабатывать варианты того, каким образом дедуля заполучил отраву – с едой, с водой, через инъекцию, через органы дыхания? Да и вообще предстоит искать ответы на массу дополнительных вопросов. Например, каким именно ядом был отравлен Зубильский? Хотелось бы надеяться, что Дроздову это удастся установить, поскольку есть саморазрушающиеся яды, которые, выполнив свою черную работу, почти сразу же бесследно исчезают. Второе. Смерть Платона – это убийство или отраву усопший принял сам? Пусть суицид и маловероятен, но и его нельзя сбрасывать со счетов. Третье. Если кто-то сознательно травануал старика, то каковы могли быть его мотивы? Желание завладеть наследством? Месть? Устранение опасного свидетеля?..

Стоп! А вот это интересный момент! Что, если Зубильского и в самом деле устранили как носителя опасной информации? Он работал в верхних эшелонах власти, имел доступ к секретам самого разного характера. В том числе и личного. Да! Скажем, некий карьерист, в годы его работы подвизавшийся в министерстве, по молодости натворил неблаговидных делишек. Сейчас он на взлете, у него есть все шансы стать крупной шишкой, но… Страшит вероятность того, что кто-то возьмет да и вытащит из «шкафа» таящиеся там «скелеты»?

А этот кто-то – господин Зубильский, тихий пенсионер, любитель антиквариата и юных красоток. Что, если дедуля вдруг возьмет и нечто такое компрометирующее ляпнет журналистам?! Тогда – все, карьере кирдык. И тут остается что-то одно: или с ним договориться, оплатив молчание, или… Правильно! Или убрать, чтобы тот уже никогда, никому и ничего не мог

сказать ни за какие деньги. Да, как ни цинично это звучит, а убийство – самое радикальное средство от утечек информации.

Последняя мысль Льву показалась достаточно интересной и логичной. Пересекая МКАД по виадуку и проносясь над нескончаемым потоком машин, бегущим по полосам этой супертрассы, он краем глаза взглянул на часы. Время близилось к пяти.

«Сейчас в контору… Надо будет взять контактный телефон и связаться с бывшим ведомством Зубильского. Придется как следует прозондировать эту шарашку и хорошенько все там изучить – обстановку, нравы, связи, симпатии и антипатии…» – мысленно рассудил он, выруливая в сторону главка.

Глава 5

Когда Лев прибыл в «контору», то первым делом направился в экспертный отдел, чтобы взять там результаты исследований. Однако едва он подошел к двери кабинета экспертов, его сотовый издал характерное пиликанье, которое извещало о том, что его жаждет видеть Орлов. Без особой охоты изменив свой маршрут, Гуров прошел через приемную генерала, где секретарша Верочка, прижав плечиком к уху телефонную трубку и о чем-то тараторя, закладывала бумаги в скоросшиватель. Сопровождаемый ее скучающим взглядом, Лев без стука широко распахнул дверь. Генерал, сидя за столом, с недовольным видом взирал в окно, вслушиваясь в долгие гудки, доносящиеся из телефонной трубки.

– Ал-ло! – войдя в кабинет, окликнул его Гуров.

– А! Ты уже здесь? – обрадовался Петр, кидая трубку на место. – Ну, это хорошо. Давайка обсудим ход расследования. Какие-то версии у тебя уже есть? А то меня, понимаешь, до печенок достали с этим Зубильским… Скоро уже сниться будет.

Льву бросились в глаза темные круги вокруг глаз приятеля-начальника, и в голове промелькнуло сочувственное: «Совсем мужика заездили!..»

– Да вот, пока ехал, кое-какие мыслишки появились… – Рухнув в кресло, он с удовольствием вытянул ноги. – Но для начала надо бы взять у Дроздова результаты вскрытия, и тогда уже можно будет всерьез обсуждать какие-то варианты версий. Кстати, к нему я сейчас и шел…

– А, ну так это не вопрос! – Орлов поднял трубку телефона внутренней связи.

Набрав номер кабинета судмедэксперта Дроздова, он распорядился принести результаты всех исследований по Зубильскому. Через минуту в дверь кабинета раздался флегматичный стук, и на пороге появился Дроздов, как всегда углубленный в свои экспертные мысли. Он подал генералу несколько листов бумаги с распечатанным на принтере текстом и устно пояснил:

– Наличие токсинов абсолютно достоверно установить не удалось. Но есть подозрение на то, что остановка сердца произошла из-за нарушения работы пучка Гисса. А это может быть вызвано спецпрепаратом «Дабл-ю-экс-триста», производимым в США. У него есть такая особенность – спустя пять часов после попадания в организм человека он бесследно разрушается.

Выслушав его несколько монотонную речь, Лев уточнил:

– На твой взгляд, если потерпевший был убит этим ядом, то как токсин ввели в его организм? Инъекцией, с пищей, с водой?..

Потерев лоб длинными худыми пальцами, судмедэксперт ответил, что «Дабл-ю-экс-триста», если только и в самом деле был использован именно он, может быть введен любым путем, даже через царапину – для блокировки проводимости нервных пучков сердца достаточно микроскопической дозы.

– Кстати, на тыльной стороне кисти правой руки Зубильского я обнаружил непонятную царапину, которая, судя по характеру ее подсыхания и прижизненной деформации эпидермиса за счет травматического микроотека, могла появиться не более чем за несколько часов до наступления смерти, – добавил он.

– А вот это уже интересно! – Гуров вскинул указательный палец. – Это уже что-то определенное! Отличная работа!

– Кстати, Лев Иванович, по поводу трупа того гражданина, что умер за рулем своего автомобиля… Рефодин, его фамилия? Так вот, очень занятный момент. Этот человек умер именно от «Дабл-ю-экс-триста» – это установлено точно, на все сто процентов. Выделить химпрепарат удалось благодаря тому, что Рефодину его досталось больше, и в его организм яд поступил с пищей через желудок. Это показали в том числе и характерные изменения слизистой желудка.

Захлопав глазами, Петр издал удивленное «Х-м-м-м…» и озадаченно прокомментировал:

– Ни хрена себе! Это или мода такая пошла у столичной уголовщины, или… или этих двоих убрали одни и те же. Как думаешь? – вопросительно взглянул он на Гурова.

– Не исключено, – согласился тот и устало добавил: – Получается так, что нам придется и этот случай брать под свой контроль? Ё-п-р-с-т! А ведь придется… Тут слишком много общего – и по срокам наступления смерти, и по средству, использованному для убийства. Кстати, и по некоторому портретному сходству Рефодина с человеком, который чего-то излишне настойчиво добивался от Зубильского.

Сославшись на срочные дела, Дроздов отбыл к себе, а в кабинет почти сразу же после его ухода ураганом влетел Стас Крячко, как всегда излишне шумный и энергичный. Незаметно подмигнув Льву, что можно было понимать, как «при Петре о моих делах – ни слова!», он авторитетно объявил:

– Итак, господа, должен сообщить вам преприятнейшее известие: я знаю, кто грохнул Зубильского.

Судя по всему, он ожидал восхищенных «ахов» и аплодисментов, но и Гуров, и Орлов, никак не явив своего восторга, лишь молча воззрились в его сторону, ожидая продолжения. Кисловато поморщившись и безнадежно махнув рукой, как бы желая сказать: «Ни хрена вы не умеете ценить плоды настоящего озарения!», Станислав, уже безо всякого энтузиазма, суховато уведомил:

– В общем, как мне удалось установить, Зубильского отравил тот самый его кореш, на которого отписан загородный дом Платона.

Петр и Лев недоуменно переглянулись. При всем своем удобстве (не надо напрягать голову, бегать, искать, ловить виновника смерти) эта версия-скороспелка имела один очень серьезный недостаток – под нее надо было подгонять уже наработанные факты, в том числе и те, что ей противоречили. Побарабанив пальцами по столу, Орлов коротко предложил:

– Докажи!

Еще больше насупившись, Крячко рассказал о своих сегодняшних изысканиях. Он описал, сколь долго и упорно ему пришлось мотаться по Тютянину, чтобы найти хоть какие-то следы пребывания там Зубильского. И лишь пойдя на «военную хитрость» – купив литр водки для компании тамошних бичей, он узнал от них, что разыскиваемый им тип в том поселке никогда не проживал. А вот в Бобровке, что километрах в двадцати от Тютянина, по свидетельству одного из любителей халявного спиртного, какой-то мужик, похожий на показанное ему фото Платона Зубильского, проживает. Выпивоха даже назвал примерное местоположение дома этого человека.

Прибыв в Бобровку, Стас действительно нашел некий дом, который попадал под описание, сделанное его случайным информатором. Соседи, проживающие через дорогу, которые на тот час оказались дома, подтвердили, что это и в самом деле дом человека, изображенного на фотоснимке, – лично с Зубильским они знакомы не были (в Бобровке тот вообще ни с кем не общался). Кроме того, они рассказали, что этот дом (вернее, его хозяева) в поселке пользуется довольно-таки дурной репутацией. Там частенько происходят пьяные оргии, которые устраивал и Зубильский, и другой человек, хвастливо называющий себя хозяином дома. По однозначному мнению соседей, Зубильский вел себя, мягко говоря, не вполне пристойно. Они отмечали его чрезмерную увлеченность девицами легкого поведения.

По словам собеседников Стаса, своих красоток Платон Зубильский привозил не реже двух раз в неделю. В такие дни «хозяина» коттеджа там не было – он куда-то исчезал. Зато все остальное время куролесил вовсю, собирая не только местных любительниц бесплатного пойла, но и привозил на своем раздрызганном «жигуленке» каких-то спившихся особ, с кото-

рыми пьянствовал «до синевы». На жизнь зарабатывал тем, что торговал самогоном, снабжая им алкашей всей ближней округи. Соответственно, употреблял его и самолично.

– Ну, это все понятно, – поморщился Петр. – Хотелось бы услышать что-то более конкретное, за что и чем именно отравил Зубильского этот его приятель.

– Вот это-то я сейчас и расскажу! – Крячко одарил Орлова недовольным взглядом.

По его словам, вчера днем в доме Зубильского едва не случился пожар. Самогонное хозяйство «зиц-владельца» коттеджа находилось в летнем домике. И вот случилось так, что он додумался оставить кипящий самогонный бак без присмотра. Трудно сказать, отчего и почему, но бак в какой-то момент бабахнул, и довольно-таки здорово. Пары спирта воспламенились, домик тут же загорелся, и пламя едва не перекинулось на сам коттедж. Хорошо, сбежались соседи, вызвали «пожарку», и общими усилиями возгорание потушили. А тут как раз и сам Зубильский прикатил. Как всегда, с накрашенными девицами.

Увидев, что там произошло, он начал ругаться на всю улицу и кидаться с кулаками на «зиц-владельца». Его едва удержали. Тогда Платон объявил «корешу», чтобы тот немедленно убирался на все четыре стороны. Впрочем, до этого не дошло. «Зиц-владелец», отведя его в сторону, начал вполголоса доказывать, что он, так сказать, готов вину искупить, абы «лепший друг Платоша» дал ему хотя бы один шанс. Тот, хотя и кипел, как перегретый самовар, в конце концов сменил гнев на милость. Они даже решили выпить мировую.

Впрочем, по-настоящему Зубильский пить не стал – все-таки он был за рулем, поэтому только лишь пригубил. Ближе к вечеру Платон уехал в Москву. Девицы уехали еще раньше – «папик», которому в связи с ЧП было явно не до женщин, вызвал им такси. И вот, в момент попойки, приятель Платона подсыпал ему отраву.

– Ну, и все. – Стас говорил, широко жестикулируя руками. – Приехал Зубильский домой, лег на диван и… преставился. Вот такая ситуация.

– А что же ты мне ничего об этом не сказал по телефону? – недоверчиво глядя на Крячко, поинтересовался Гуров.

– Хотел сделать вам обоим сюрприз! – горделиво выпятил грудь Станислав. – Да, сначала этот хмырь, как мог, отпирался, а потом – никуда не делся, признался во всем. Написал чистосердечное. Иначе откуда бы я знал все эти детали и нюансы?

– И что же он там написал? – спросил Орлов, с ноткой язвительности.

– Как это – что?! – Крячко изобразил недоуменное возмущение. – Полностью признал свою вину, рассказал, почему, как и чем именно отравил Зубильского. Вот она, его «чистуха», можешь лично ознакомиться.

Он достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и протянул Орлову. Тот, развернув этот «манускрипт», начал медленно читать вслух, с трудом разбирая коряво выведенные буквы:

– «…В Главнае управление угаловного розыска МВД Расийской федирации от Цепочина Аркадия Викторовича, проживающего поселок Бобровка, улица Зеленая, дом шестнадцать…» Ага, тут его паспортные данные – это все понятно. Так! «Чивстосердечное привзнание…» Да, да, так и написано – «чивстосердечное привзнание»! «Я, Цепочин А. В., дабравольно сообчаю в полицыю, что по сопственому злому умыслу атравил гражданина Зубильсково. Это зделал при помосчи самагона и атравы крысячей. Я уговорил ево со мной выпить мировую и подсыпал ему атравы, штобы он помер, а мне остался катеж, што на меня записан. В этом раскаюваюсь и прашу суд это учесть. Дата, подпись…» Слушай, но это же бред алкоголика! Какая крысиная отрава? Он тебе ее показал?

– Вот! – Стас с готовностью достал из кармана своей кожаной ветровки полиэтиленовый пакет, в который была завернута стеклянная банка «майонезного» формата с винтовой крышкой, и потряс ею, демонстрируя пересыпающийся внутри белый порошок, напоминающий сахар.

– Ну, ты прямо Колин Пауэл на Совбезе ООН! – с насмешкой в голосе прокомментировал Петр. – Ну, помните такого американца, который когда-то тряс пробиркой с якобы иракским химоружием?..

Крячко на это замечание отреагировал не менее язвительным «Х-ха!». Взяв у него пакет с банкой и повертев его перед глазами, Лев пренебрежительно поморщился:

– Слушай, Стас, не городи ерунды! Этот яд на яд-то не похож. Какой-то он странный – ни дать ни взять сахар-песок. Кроме того, Дроздов уже исследовал на токсины тканевые жидкости Зубильского и установил, что если тот и был отравлен, то спецсредством особого рода, причем зарубежного производства.

Судя по выражению лица, услышанным Крячко был несколько обескуражен. Но сдаваться не собирался.

– А пусть наши химики проверят этот порошок! Вот тогда и будем знать – яд это или не яд… – категорично объявил он, с вызовом глядя на Петра.

Тот, как-то неопределенно качнув головой, молча снял трубку телефона внутренней связи и снова пригласил в кабинет Дроздова. Когда судмедэксперт унес банку с ее непонятным содержимым, Стас с выражением гения на лице, которого не желают понять всякие там ретрограды, положил ногу на ногу и откинулся на спинку кресла.

– А ты с нашими коллегами, кто работает с «панельным сектором», общался? – нарушив молчание, спросил его Гуров. – Я же тебе кое-какие наводки дал, думал, заедешь в райотдел по месту жительства Зубильского, выявишь интересующих нас людей… Нет?

– Лева! – возмущенно всплеснул руками Крячко. – Ну, если учесть, что я, по сути, расколол главного подозреваемого, то на кой бы они нам были нужны, эти красотки с панели?! Если убийство, можно сказать, «без пяти минут» раскрыто, к чему какая-то лишняя беготня?!! Хотя заезжал я на Посольскую, выяснял. Да, Стукинец и Рычалова там прописаны. Но не проживают. Финиш! Слушай, Лева, на хрена нам разыскивать этих девок, если есть подозреваемый, если есть его признательные показания?! Причем – обрати внимание! – полученные без какого-либо давления!

Лев, не выдержав, громко фыркнул и с подначкой в голосе проговорил:

– Это называется «одним махом – семерых убивахом»… Кстати! А где же он сейчас, этот расколотый тобой подозреваемый?

– В Петрове… – ответил Станислав. – Я вызвал наряд и отправил его в тамошнее КПЗ. А что? Пусть пока находится там. А как утрясем детали, можно будет перевести и в СИЗО…

В этот момент на столе Орлова голосистым сверчком запиликал телефон внутренней связи. Выслушав звонившего, генерал медленно положил трубку и в упор взглянул на Станислава. Тот встревоженно заерзал и зачастил:

– Ну, чего, чего там? Говори уж…

– Скажу! – свирепо прорычал Петр. – Стас, ты – лопух! Еще раз повторить? Ло-пух! Это обычный сахар, без намека на примесь хоть какого-то токсина. Понял?

Гуров рассмеялся, раскачиваясь и хлопая себя по коленкам ладонями. Следом за ним, несмотря на раздражение и недовольство, рассмеялся и Орлов.

– Ну, прямо Ильф и Петров – «пилите, Шура, пилите!» – процитировал он классиков сатиры. – Только там были «золотые» гири, а тут – сахарная «отрава»… Ты этого Цепочина хотя бы спросил, откуда он взял такой вот «яд»?

Окончательно скиснув, Крячко хмуро подтвердил, что «отравителя» о происхождении «крысомора» он расспрашивал, и даже очень настойчиво. Тот его заверил, что «яд» взял в обмен на бутылку «первача» у старого знакомого, который когда-то служил на химическом полигоне.

– В общем, этот Цепочин даже поклялся, что тот мужик вроде бы очень серьезный, – хмурясь и спотыкаясь, повествовал Станислав. – Вот… Он к Аркашке как-то пришел, весь

синий с похмелюги. Дай, мол, «подлечиться». Денег, понятное дело, ни копейки. Ну, и предложил, типа, бартерную сделку – «первач» в обмен на хороший «крысомор». Дескать, яд испытанный – у себя дома им всех крыс извел…

– А привез он его с полигона… – со значением в голосе обронил Петр.

– Да, раздобыл он эту отраву именно там… – Крячко издал скорбный вздох. – Аркашка взять-то ее взял, но крыс травить руки не доходили из-за пьянки. А тут с Платоном вышел конфликт, когда тот засобирался выставить его из дома. Ну, он и надумал травануть кореша, чтобы и дальше жить на этой жилплощади. Бумаги-то оформлены на него – кто придерется? Он, кстати, и не удивился, когда я ему сказал про смерть Зубильского. Его больше удивило то, как быстро я смог на него выйти.

Услышанное вновь рассмешило и Льва, и Орлова.

– Господи, какие же бывают на свете наивные люди! – разглядывая Стаса как некое аномальное явление, сокрушенно вздохнул генерал. – Ну, ладно – тот, надо понимать, полный наивняк, у которого от пьянки все мозги усохли. Но – ты-то, ты-то как лопухнулся?! Тоже мне, «гений дедукции». Вернее сказать, дундукции.

Похоже, придуманное Петром слово «дундукция» задело Станислава очень крепко. Он громко засопел и свесил голову. Гурову его даже стало немного жаль, и он, оборвав смех, заговорил уже серьезно, пытаясь обосновать причины конфуза, приключившегося с Крячко:

– Я догадываюсь, почему в банке оказался сахар. Даже если допустить, что у того выпивохи с полигона и в самом деле имеется какой-то сильнодействующий яд, то не факт, что он стал бы им разбрасываться. Это же прямая дорога в тюрьму! Вот он Цепочину сахар и подсунул. Да, Стас… Слава блиц-раскрывателя запутанных дел от тебя ускользнула, не задерживаясь. Ладно, не тужи. Хрен с ней, с этой славой! Пошли к себе, товарищ Шерлок Холмс, и уже там продолжим нашу скучную, нудную, рутинную работу. Ты как?

– Да, идем уж, идем… – грустно вздохнул тот, покидая кабинет Орлова без своих обычных клоунад.

– Секундочку! – неожиданно остановил их Орлов. – С этим несостоявшимся отравителем Цепочиным что-то надо решить. Да, разумеется, вместо отравы ему подсунули сахар. Но Зубильского-то отравить он собирался всерьез! И если бы у него был настоящий яд, то он бы его и убил. А это уже покушение на убийство. Поэтому прямо сейчас созвонитесь с райотделом, пусть пункт обвинения доработают и передают следствию. Да и того гражданина, что обещал Цепочину отраву, – его пусть тоже разыщут и проверят – а вдруг у него и в самом деле есть что-то серьезное?

– Сде-е-лаем! – огрызнулся Стас.

Правда, выйдя из приемной, он все же достал свой телефон и, набрав номер райотдела, напомнил о необходимости разыскать владельца отравы и передал распоряжение Орлова о переквалификации обвинения Цепочину.

Когда приятели вошли к себе, Лев сразу же созвонился с Жаворонковым и попросил его зайти к ним. Крячко, сев за свой стол, некоторое время сидел не двигаясь. Но по нему было видно, что его самолюбие бунтует и жаждет реванша. В то же время было заметно и то, что он не очень хотел бы услышать вопрос Льва о своем визите к Эмилии Слюдянцевой…

Раздался стук в дверь, и в их кабинет молодцевато вошел капитан Жаворонков. Гуров предложил ему присесть и поинтересовался возможностями получения информации из министерских архивов, мягко говоря, негласным путем. В частности, его беспокоил правовой момент – не будет ли подобное считаться хакерской атакой? Сожалеюще улыбнувшись, капитан подтвердил, что, как ни верти, вторжение в архивы любого министерства (что, в общем-то, дело не самое сложное) вполне может быть расценено как незаконное, со всеми вытекающими последствиями.

– Ясно… – В голосе Гурова прозвучала откровенная досада. – Нам край как нужна информация о Платоне Зубильском. Но в Интернете о нем ничего нет. Как же быть?

– Лев Иванович, а если сделать официальный запрос? – деликатно откашлявшись, предложил Жаворонков.

– Валера! Во-первых, ответа ждать придется невесть сколько. Ты же сам знаешь нашу отечественную волокиту. Во-вторых, официозная отписка нам и близко не нужна. И последнее. Если заказчик убийства находится в стенах министерства, то он тут же начнет заметать следы.

– Хм… – тряхнул головой капитан. – Добро, Лев Иванович! Попробую пробраться в их архивы.

– Нет, нет, нарываться на грубость не будем! – Гуров крепко стиснул в кулаке авторучку. – Давай лучше так, ищи информацию о самом этом Министерстве развития внешнеэкономических связей. Но – по максимуму. И не только о его практической деятельности. Нужна его внутренняя «кухня»: кто с кем дружил, кто с кем и почему враждовал, скандалы, судебные дела. Нынешний кадровый состав – кто сегодня министерством руководит, а кто претендует на роль первого лица, и так далее. Сможешь?

– Постараюсь, Лев Иванович! – Жаворонков энергично поднялся со стула. – К какому сроку подготовить материалы?

– Не позже завтрашнего полудня. И вот еще что… – Лев пошарил в кармане и вынул из него флешку. – Здесь записи камер видеонаблюдения. Кого-то из вашего отдела загрузи их просмотром. Надо найти кадры с Зубильским, и именно те, где он с кем-то конфликтно общается. На это времени отпускаю побольше. Скажем, до завтрашнего вечера или даже до послезавтрашнего полудня. Потянете?

– Думаю, должны бы! Разрешите идти? – Взяв флешку, капитан скрылся за дверью.

Глядя ему вслед, Стас хмуро спросил:

– Ну, а у нас с тобой какие планы на завтра? День-то уже кончается…

– На тебе так и остается поиск ухажерок Зубильского, – без намека на командные нотки ответил Гуров, включая свой компьютер. – Да, день уже идет к концу, а у нас еще столько работы – «крыша» от перенапряга едет… Вот, хочу найти материалы о столичных торговцах-антикварах, о коллекционерах. Вдруг причиной смерти стали внутрикорпоративные коллекционерские разборки?

Он забегал пальцами по клавиатуре, время от времени двигая мышкой. В кабинете повисла тишина. Вполголоса издав что-то наподобие то ли «э-ге-ге», то ли «о-хо-хо», Крячко поднялся из-за своего стола и несколько раз прошелся по кабинету. Поскольку Лев на это никак не реагировал, изучая на мониторе какой-то интернет-материал, Стас остановился напротив него и сердито спросил:

– Ну, и что ж не выспрашиваешь, сколько времени я был у Эмилии и чем мы там с ней занимались?

– А на кой это мне? – Гуров оторвался от монитора и окинул приятеля изучающим взглядом. – Чтобы ты опять начал обзывать меня «злой дуэньей»? Мне это нужно? Кстати, похожий разговор у нас с тобой однажды уже состоялся. Я тогда еще сказал: если интересуюсь твоими похождениями, ты злишься, вроде того лезу не в свое дело. Если же мне они «по барабану», ты опять недоволен. Ведь так?

Сунув руки в карманы, Крячко неопределенно повел плечами:

– Но ведь ты сейчас все равно в голове держишь какие-то мысли на этот счет? Верно? Что-то об этом думаешь? Вот! И мне небезразлично, что ты думаешь. Да! А думаешь ты, скорее всего, хрен знает что…

– И что же дальше?

– «И что же дальше»… – сокрушенно вздохнул Станислав. – Ты был прав, с Эмилией я лопухнулся. Вот такие блины комом…

– В смысле, как это – лопухнулся? Она дала какую-то неверную информацию? Или обманула насчет обещанных бумаг? – озадаченно наморщил лоб Гуров.

– Нет! – замахал руками Крячко. – Все не то… Информацию она дала, бумаги – дала, и… Гм-гм… Саму себя дала, да так лихо, что я не смог отказаться. Вот в чем язва-то!

– Не понимаю – чего ты так испереживался по этому поводу? Тебя же не какая-нибудь Кончита Вурст соблазнила, а нормальная женщина, вполне симпатичных кондиций… – развел руками Лев. – Ты мне лучше скажи, что там за бумаги передала тебе Эмилия. Они у тебя с собой?

– А то ж… – с оттенком некоторой горделивости ответил Станислав.

– Что ж ты про них не вспомнил, когда мы были у Петра?

– Так вы вдвоем на меня так наперли, что я про эти бумажки вообще забыл… – поморщился Стас. – Нет, надо же, как Петруха насчет меня прикололся: дундукция! Да за одно только это хрен бы я ему что показал. А бумажки – вот они, смотри… Три листика, вроде как из блокнота. Эмилия сказала, что почерк – точно Зубильского, а вот что там написано – темный лес. Сплошь какие-то аббревиатуры и цифры, что они значат – не разберешь.

Взяв у Стаса три исписанных с одной стороны листа уже желтоватой бумаги формата «А-5», Лев пробежал по ним глазами. Действительно, увиденное представляло собой какую-то абракадабру. Вглядываясь в строчки, выведенные шариковой авторучкой, он отметил, что каждая из них начиналась с трех заглавных букв, потом шли какие-то числа, состоящие из двух, трех, а то и пяти-семи цифр. Причем в одних строчках было одно-два числа, в других – от трех до пяти. Кроме цифр и букв имелись непонятного назначения то ли плюсы и минусы, то ли что-то, обозначающее крестики и тире.

– Вот видишь, вообще не «въехать» в эту шараду! – заглядывая сбоку, прокомментировал Станислав.

– Ну, почему же? Кое-что тут просматривается… – не отрывая взгляда от «манускрипта», парировал Гуров. – Заглавные буквы слева – чьи-то инициалы. Далее – какие-то расчеты, скорее всего денежные. Пока только неясно – в рублях или инвалюте.

– Ты уверен, что это – инициалы? – Крячко издал недоверчивое «х-ха». – Вот, смотри: ТНТ. Это название телеканала. Или, вот: БМВ. Яснее ясного, что это марка машины.

– Да, ты прав… – «согласился» Лев. – То есть получается, что ЦАВ надо понимать как «центральный автовокзал». Или это, может быть, Цепочин Аркадий Викторович? Как думаешь?

– Ух ты! – Стас был весьма удивлен такой догадкой. – Ничего себе! Да-а-а… Слушай-ка, похоже на то. И что же тогда получается?

– Получается так, что числа, которые с плюсом, – скорее всего, деньги, данные им в долг, числа с минусом – возврат долгов, а это, в скобочках, – набежавшие проценты. Видимо, отставной замминистра занимался нелегальным ростовщичеством. И если это действительно так, то процент он брал нехилый – от тридцати до пятидесяти и выше.

– И налогов он, понятное дело, не платил! – констатировал Крячко.

– Само собой! Птице такого полета платить налоги как бы не комильфо. – Гуров еще раз внимательно просмотрел листки с записями. – Но я подумал вот о чем. Раз Зубильский давал деньги под разорительные проценты, то, надо понимать, кто-то из его должников – а их тут около сорока человек! – кому расплачиваться оказалось не под силу, мог принять решение «рассчитаться», отправив кредитора в мир иной. Нет кредитора – нет и долгов…

Слушая его, Крячко в очередной раз удивился.

– Да! Очень интересная версия… Эх, Лева! Тебе давно бы уже пора сидеть в кресле министра, – с грустинкой в голосе рассудил он. – А ты до сих пор как обычный, рядовой опер бегаешь за уголовниками. Вот и хочется спросить: где она, эта высшая справедливость?

– Стас! – хлопнув его по плечу, рассмеялся Гуров. – Избави меня боже от министерского кресла! Моя нынешняя жизнь меня вполне устраивает. Знаешь, чтобы уютно чувствовать себя во дворце, там надо родиться. И еще момент. Запомни: примерная, ударная работа – не гарантия карьерного роста. Как сказал один юморист, лучше всех в колхозе работала лошадь, но председателем она так и не стала.

Стас, мгновение помедлив, громко фыркнул и вскинул оба больших пальца:

– Гениально, Лева! Ни разу еще не слышал этот анекдот. Хм-м-м… И что же мы тогда имеем? Еще одно направление поиска? Теперь уже не только по линии наследников, коллекционеров-антикваров, но и по линии должников?

– Выходит, так… Но вот что стоило бы учесть. Эти бумажки дала тебе Эмилия Слюдянцева. Их она нашла в книге, ранее принадлежавшей Зубильскому. Так? В разводе они уже давно. А судя по этим листочкам, некоторой новизны они еще не утратили. Эта бумага – типа газетной, она имеет свойство желтеть от времени. Если бы этим листкам было лет десять, они были бы светло-коричневые. А на деле-то, глянь, слегка желтоватые, значит, им от силы года два-три. Да и цвет пишущей пасты практически не изменился. Отсюда вопрос: каким образом и когда именно книга из квартиры Зубильского попала к Эмилии Слюдянцевой? Это надо бы выяснить.

Крячко замер, недоуменно взирая на Гурова:

– Лева, ты хочешь сказать, что мне опять придется ехать к Эмилии?! И к тому же сегодня?!!

Сочувственно вздохнув, тот развел руками, как бы говоря: «Извини, дружище, но служба – превыше всего!»

– Стас, если бы нам нужно было узнать только о книге, то, в принципе, достаточно было бы просто позвонить… – добавил он вслух. – Но нам еще очень важно получить список всех знакомых и родственников Зубильского, да и ее собственных, чтобы появилась возможность сопоставить их инициалы с имеющимися в долговых записях. Представляешь, какая это объемная работа? Эмилии ты сейчас позвони, попроси ее такой список составить, а завтра поедешь и заберешь.

– Лева! Ты ведь заведомо знаешь, что там меня ждет, едва я ступлю в ее квартиру. Знаешь же? Вот… И со спокойной совестью отправляешь меня к этой перезрелой нимфоманке. Тебя совесть не гложет?

– Е-понский… Автопром! – сокрушенно помотал головой Гуров. – Да, гложет! Тебе стало легче?

– Конечно! – с некоторым даже великодушием произнес Стас. – Ладно, уговорил. Звоню Эмилии…

Он набрал номер на своем сотовом и, услышав отклик с того конца связи, жизнерадостно поздоровался и несколько пространно изложил просьбу о списке. Пояснив суть причин, побудивших обратиться с подобным предложением, Крячко пообещал, что обязательно заедет завтра. Судя по всему, реагируя на встречное предложение Эмилии заглянуть сегодня вечерком, он торопливо пояснил:

– Я бы с охотой, но… Через полчаса с Львом Ивановичем едем брать крупного уголовного авторитета. Вот, Лев Иванович рядом, он может подтвердить. Да, да, да! Учти – эта информация секретная! Придется неизвестно сколько просидеть в засаде. Может, и до самого утра… Что?.. А-а-а, понял! Мила, солнышко, если освобожусь раньше, то – к тебе, и только к тебе…

Закончив разговор и спрятав телефон, Стас устало, как косарь на жнивье, утер лоб тыльной стороной ладони.

– Ну все, список будет. К тому же самый полный – ФИО, плюс телефоны и адреса из имеющихся у нее в наличии. Так! Сейчас, наверное, тоже малость прочешу дебри Интернета

на предмет выявления «точек», где кучкуются эти самые «деффочки» в округе улиц Солнечной и Пармской.

Он сел за свой стол, включил ноутбук, и в кабинете ненадолго воцарилось молчание. Однако некоторое время спустя со стороны Стаса донеслось:

– Я охреневаю! Лева, но это же просто ужас, что творится на этом гребаном «панельном фронте»… Ты представляешь, стоило набрать в поисковой системе запрос «Москва, проститутки, Солнечная и Пармская», как автоматика тут же выдала уймищу страниц информации на этот счет. Матерь Божья! Что у нас, вообще, с этим творится? Такое ощущение, что вся Москва вышла на панель…

Ничего не ответив, Гуров лишь поднял голову и, коротко взглянув на расходившегося приятеля, продолжил изучение материалов о коллекционерах антиквариата. А почитать было что. Как явствовало из статьи аналитика антикварного рынка, ежегодный мировой торговый оборот в этой сфере достигает, по разным оценкам, от двадцати до пятидесяти миллиардов долларов. Ежегодно на самых крупных аукционах – Сотбис и Кристи – продается всевозможных раритетов на десятки и сотни миллионов «зеленых». Как считают экономисты, последние годы антиквариат признан наилучшим средством вложения капиталов, которое не подвержено экономическим спадам и инфляции.

«Вот поэтому-то старый хитрец Зубильский и кинулся скупать все эти свои уникумы и редкости – вложенные в них деньги можно было вернуть с большими процентами, – мысленно отметил Лев, пробегая взглядом по очередному материалу. – Причем гарантированно. Насчет любви к искусству тут и заморачиваться не стоит – ею тут и не пахнет. Один лишь голый коммерческий расчет, и только…»

Особое внимание многие авторы очерков и эссе обращали на то, что в антикварной среде существует немало своих самых разных «подводных камней». В частности, новичкам не рекомендовалось заниматься безоглядной скупкой всего того, что им показалось ценным, что им посоветовали малосведущие «эксперты». Не зная определенных критериев оценки того или иного раритета, всегда есть риск за немалые деньги купить фальшивку или никчемную безделушку. Специалистами рекомендовалось проконсультироваться как минимум с двумя знатоками раритетов и сведущими именно в той сфере, к которой относится понравившийся объект коллекционирования. Ведь эксперт по части букинистики или филателии не всегда мог быть достаточно сведущ в фалеристике.

Наткнувшись на очерк, посвященный антикварной проблематике, в котором автор рассказывал о судебном деле середины девяностых, Гуров с большим интересом прочел его от начала до конца. Как явствовало из повествования, в одном из крупных губернских центров Южного федерального округа произошло убийство известного в местных кругах коллекционера антиквариата. И хотя убийца обставил случившееся как суицид, местные опера сумели выйти на его след, и полгода спустя подозреваемый был задержан в одном из сибирских городов.

В ходе расследования выяснилось, что потерпевший сам в какой-то степени спровоцировал свое убийство. По словам обвиняемого, антиквар за определенную (зачастую весьма высокую) плату консультировал новичков по части реальной стоимости тех или иных раритетных ценностей. В том числе и его.

Он намеревался приобрести уникальную шкатулку семнадцатого века (по некоторым данным, ею одно время владела княгиня Екатерина Дашкова, подруга и сподвижница императрицы Екатерины II). Эксперт, сразу же усмотрев в «старинной вещи» весьма искусный «новодел», был настроен на то, чтобы вынести честную, объективную оценку. Но, как это иногда бывает в подобных ситуациях, к нему пришел владелец шкатулки и за большие деньги уговорил антиквара объявить «липу» подлинником. Поколебавшись, тот согласился. Ради приобретения фальшивого «уникума» коллекционер продал дом родителей, которые к той поре уже умерли.

Но полгода спустя тяжело заболела его жена. Ей требовалась дорогостоящая операция, и обладатель шкатулки повез свое приобретение в Москву, чтобы, продав «раритет», спасти близкого человека. И только тогда он узнал, что его жестоко обманули. Его «сокровище» стоило в сотни раз меньше, чем он отдал мошеннику. В отчаянии он выставил на продажу свою квартиру, но продать не успел – жены не стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.